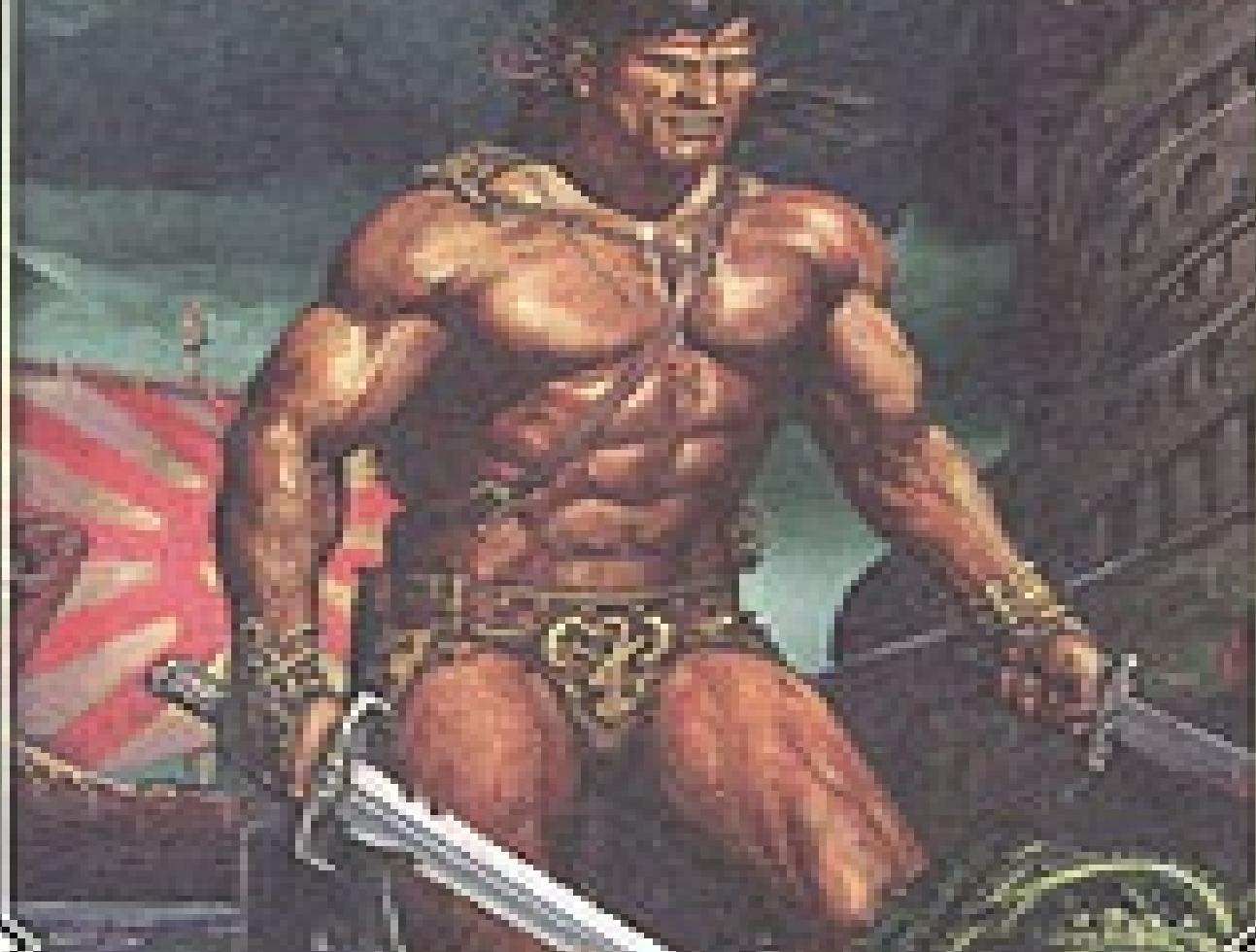


СИКСПЕЛ-Э

КОНАН  
И ЗАГОВОР  
ТЕНЕЙ



-Северо-Запад-

## Annotation

«Если кто-то там в чем-то поклялся, а затем отдал концы, то почему Вечному Герою обязательно нужно в это влезть, я вас спрашиваю?»

(A. Мартынов)

---

- [Дункан Мак-Грегор](#)

- [Глава 1. Постоялый двор](#)
  - [Глава 2. Мангельда](#)
  - [Глава 3. Чужая клятва](#)
  - [Глава 4. Гринсвельд](#)
  - [Глава 5. В пути](#)
  - [Глава 6. Лемминги](#)
  - [Глава 7. Хозяева древнего леса](#)
  - [Глава 8. Алисто-Мано](#)
  - [Глава 9. К морю Запада](#)
  - [Глава 10. Желтый остров](#)
  - [Глава 11. Бой в Желтой башне](#)
  -
-

# Дункан Мак-Грегор

## Чужая клятва

Там, где три четверти года снежные равнины темны полный день и полную ночь, изредка лишь озаряемые всполохами чудесного небесного сияния, где холод сменяется морозом, а тьма — мраком, далеко на севере, за тундрой, меж Кезанкайскими горами и Гирканией лежит маленькая страна Ландхаагген. Древние пергаменты, коих в архивариях Белого дворца сохранилось не более десятка, гласят: «Счастливая земля Хааггена мала и плодородна; холмы, но не горы, кусты, но не деревья окружают ее со всех сторон; реки текут чистые и быстрые, и тварей чешуйчатых, для еды пригодных, в них великое множество. Жители высоки ростом, бледны лицом и белы волосами; глаза имеют голубые либо синие, тела крепкие, а нрав спокойный. Вечно зеленая ветвь маттенсаи хранит благостное место сие для жизни долгой, для мира и порядка».

С той прекрасной поры миновали сотни лет. Плодородная земля Хааггена покрылась льдом, в лед превратились реки, и ледяные глыбы выросли на месте цветущих холмов. Холод и мгла воцарились тут; мрак вошел в души людей, большинству из них сократив срок существования, так что вскоре вся страна заключилась в пределах единственного города с тем же названием, и был этот город пустынен и тих. Дома в Ландхааггене стояли прежние, полуразвалившиеся, утепляемые изнутри мхом и ветошью. На узких, некогда уютных улочках ныне сквозь толщу снега и льда уже не проглядывал камень, и даже в короткое светлое время, когда лучи мутно-желтого тусклого шара слегка, но достигали все же сих печальных жестов, холодный белый покров ставил лишь чуть, с самого верха.

В центре города, рядом с широким и низким храмом Эрлика, возвышался Белый дворец, днем и ночью обдуваемый порывистыми колючими ветрами — там жил правитель Мольдзен, молчаливый, угрюмый, безучастный ко всему старец с длинными седыми волосами; жизнь утомляла его; каждый вздох ожидая конца своего долгого века, он не жалел уже и не помнил ни о чем; закутавшись в шерстяное покрывало, он часто всматривался во тьму небес, где недвижимо висели редкие неяркие звезды, но не было в том занятии для него ни смысла, ни интереса.

На много дней пути — если бы решился кто-либо совершить подобное путешествие — раскинулась снежная равнина, что окружала Ландхаагген. Дальние деревушки, числом не более трех, давно уже не имели с городом никаких связей. Жители их одичали, с трудом добывая себе скучное пропитание; тощая домашняя скотина давала жалкий приплод только летом, в светлое время; халупы, по самые окна, а то и крыши заваленные снегом, едва спасали от холода и ветра.

Так постепенно страна вымирала, и через половину века жизнь замерла бы здесь навсегда. Только медведи и олени, да еще большие черные птицы с белыми грудками и короткими лапами бродили бы в холоде и безмолвии по искристому твердому насту, на коем давно уже не осталось следов человека...

# Глава 1. Постоялый двор

Дождь лил с самого утра без перерыва. Затянутое облаками небо ровного серого цвета опустилось совсем низко и застряло на верхушках гор, что простирались далеко на восток; мокрые скалы тускло блестели; по ним струились водные потоки, с шумом падая на землю с обрывов и унося с собой вырванные с корнем мелкие растения, камни, труху.

Величественные, с первого взгляда необитаемые горы Кофа принимали подобное омовение нечасто — обыкновенно они трещали и плавились под лучами божественного ока Митры, то гневно, то ласково взирающего сверху на землю; и богохульствовал одинокий путник, пытаясь укрыться от палящего солнца в раскаленных камнях, и птицы пролетали мимо в поисках тенистых рощ, и звери прятались от зноя в глубоких норах, выходя наверх только ночью. Но теперь огнедышащий яркий шар, еще накануне сиявший в голубой выси, скрылся в иных мирах, куда нет пути земному существу.

День близился к концу, а дождь все не прекращался. Потемнело серое небо, уже почти сокрытое от глаз сплошной, стеной льющейся воды, и человек, что пробирался по узенькой тропке меж мокрых холодных скал, заспешил. Где-то в этих краях, точно по направлению к Хоршемишу, находился постоянный двор — приют беглецов и бродяг, коих по свету болтается великое множество, — и пока мгла не опустилась с небес к самым ногам, следовало его найти.

Тропа вихляла не между гор, но по самой горе, иной раз становясь не шире трех ладоней, так что путнику приходилось двигаться боком — едва дыша, спиной обтирая шершавый отвесный склон; под ним, далеко внизу, зияла блестящая от воды черно-зеленая рябь, что скрывала в себе острые камни и глубокие ямы. Но порой тропа резко сбегала вниз, и тогда путник, чавкая сандалиями по слякоти, съезжал по ней, скользя на листьях, на траве и громко рассказывая окружающей среде все, что он думает о личной жизни богов и их внешнем виде.

Он промок до нитки, устал и проголодался, и сие последнее обстоятельство заставляло его шагать все быстрей, сквозь дождь пристально вглядываясь в даль в надежде узрить маленький, приветливо сияющий в горах огонек. То и дело сплевывая с губ воду, он прыгал с булыжника на булыжник, с кочки на кочку, чуть не падая, перешагивал провалы, и наконец долгий путь его завершился именно так, как и предполагалось: обогнув высокую остроконечную скалу, он увидел желтые окна постоянного двора и, подгоняемый завываниями ветра и желудка, припустил туда, мысленно уже отдавая хозяину приказ немедля принести ему баранью ногу, ломоть хлеба побольше и пару кувшинов пива.

Возле деревянного строения в два этажа, ютившегося на крошечном пятаке меж огромных валунов и крутых скал, странник заметил деревянный же навес, а под ним еле различимые в вечернем полумраке силуэты лошадей. На плоской крыше дома громоздилось заброшенное гнездо; в окнах мелькали чьи-то тени; голоса сливались в гул, который показался путнику приятной музыкой по сравнению с шумом надоевшего давно дождя. Не желая делать на улице и одного лишнего вздоха, он быстро прошел к крыльцу, перескочил четыре ступеньки разом и толкнул дверь мощным плечом.

Жаркий спертым воздухом вырвался наружу. Шесть ртов в мгновение захлопнулись, а шесть пар глаз с нескрываемым любопытством уставились на нового гостя — рослого парня с гривой длинных черных волос. Под мокрой, облепившей тело одеждой четко вырисовывались бугры мышц; молодое, но уже суровое лицо с крупными чертами не отличалось особой красотой, тем более что у правого глаза краснел кривой глубокий шрам — несомненно след недавней стычки; пушистые черные ресницы его намокли от дождя; на поясе в потертых ножнах висел меч внушительных размеров, даже для старого воина бывший слишком велик, но для этого юного великана — в самый раз. Он ответил всем не менее пристальным, но гораздо менее любопытствующим коротким взглядом, прикрыл дверь и, оставляя за собою мокрую дорожку, прошел к длинному столу посреди комнаты, где восседали на широких табуретах с толстыми ножками всякого рода оборванцы. Перед каждым стояла глубокая миска с дурно пахнущими бобами и большая глиняная кружка, откуда так и несло кислятиной. Впрочем, судя по удовлетворенным физиономиям постояльцев, они мало обращали внимания на качество угощения, из чего путник незамедлительно заключил, что они, подобно ему самому, знаяли деньки и похуже, чем нынешний.

Один, быстроглазый, всклокоченный парень с приятным смуглым лицом, явно был дезертиром из туранской армии наемников — на плечах его висела черная куртка с вензелем на правой стороне груди и вшитым в воротник медным треугольником — знак сайгада, старшего тройки; он пережевывал свои бобы с таким рвением, словно то были его личные враги, коих он желал уничтожить как можно скорее. Второй, бородач с сизым вислым носом, ерзал на табурете и беспрестанно вздыхал, хотя с тонких губ его не сходила нахальная плутовская ухмылка — этот казался торговцем, что потерял все состояние, но сохранил достоинство. Разглядеть третьего не представлялось возможным, ибо, узрев мокрого незнакомца, возникшего в сей обители столь неожиданно и стремительно, он уронил голову на руки и тотчас уснул, как будто очам его явился сам Хипнош — бог сна. У четвертого, щуплого человечка с длинными сальными волосами, рожа напоминала изъеденную молью старую тряпку, давно утерявшую первоначальный свой цвет, по всей видимости, серый либо зеленый; после каждой ложки бобов и каждого глотка пива он подмигивал дезертиру и, когда тот сердито поднимал брови в ответ на подобное проявление чувств к своей особе, мерзко хихикал и облизывался. Пятый и шестой сидели по правую и левую руку от пришельца, так что определить, каковы они и кто, он поначалу не смог.

Тем не менее именно с ближайшим своим соседом он и познакомился прежде остальных.

— Эй, хозяин! — зычным густым голосом прогремел тот, чью мускулистую, покрытую черными выюющимися волосами руку он видел справа от себя. — У нас новый гость! И по виду — варвар! Так что тащи-ка бобы, да поторапливайся, пока парень с голодухи не сожрал мои вместе с миской... Иава Гембех, — представился он, поворачиваясь, — родился в Шеме, жил в Шеме и вернусь туда же... Когда-нибудь... А ты, парень, кто и откуда?

— Конан, из Киммерии, — буркнул тот, с удивлением замечая, что у шемита один глаз черный, а другой зеленый.

Решив про себя, что сие есть знак богов и особого их расположения к этому человеку, молодой киммериец тут же забыл об Иаве, озабоченный собственным, весьма плачевным состоянием. Струйки воды с легким журчанием стекали с него на пол, образовывая вокруг табурета лужу, так что вскоре он сидел уже будто на острове, дрожа и поджав под себя ноги.

— Варвар... Я никогда не ошибаюсь, — насмешливо произнес Иава. Взгляд его переместился вниз, на лужу у табурета.

— Сырости от тебя, приятель! — Он критически осмотрел Конана, покачал головой и достал из кармана плоскую флягу. Глубоко вздохнув, шемит поколебался мгновение, затем быстро вытащил крепкими белыми зубами пробку, обмотанную намокшей тряпицей, и протянул сосуд с живительной влагой киммерийцу.

— А ну-ка, выпей. Это бранд. Сразу согреешься.

Конан благодарно кивнул и приник губами к узкому горлышку. Словно горячий луч огненного ока Митры обжег его глотку; ароматный, тягучий напиток, чуть горький, чуть сладкий, действительно согрел лишь за несколько вздохов. Почти ополовинив флягу, киммериец сожалением оторвался от нее и вернул владельцу.

— А теперь садись поближе к огню, — заботливо предложил шемит, приподнимаясь и небрежно сталкивая с табурета щуплого.

— Кшиш! Пусти парня погреться.

В очаге, обложенном с трех сторон круглыми булыжниками, весело трещал огонь; блики его, особенно яркие сейчас, когда за окнами стало совсем темно, подрагивали на лицах, на стенах, отражались в мутной желтизне, плавающей в глиняных пузатых кружках. Конан пересел на табурет щуплого, вытянул ноги, с наслаждением чувствуя, как тепло проникает в него всего, как бурлит разогретая еще брандом кровь, и... как он голоден. От этой мысли киммериец даже вздрогнул. Обернувшись, он обвел взглядом зал, морщась от сразу ударившего в нос запаха протухших бобов из мисок постояльцев, и хрипло позвал:

— Хозяин!

Однако он успел уже совсем согреться, когда наконец хозяин, вынырнувший откуда-то из глубины зала, молча подскочил к нему и шмякнул на стол миску все с теми же бобами. Конан, содрогаясь при мысли о том, что и ему, может быть, предстоит отведать сие вонючее блюдо, ухватил наглеца за штанину, подтянул к себе и угрожающе прорычал:

— А ну, толстяк, волоки сюда мяса, и побольше! Чтоб на всех хватило! Не то, клянусь Кремом, вместо барана я поджарю тебя!

Если не считать короткого знакомства с шемитом, то были первые его слова здесь, на постоялом дворе. Шесть ртов опять захлопнулись, а шесть пар глаз уставились на киммерийца — как видно, ранее им и в голову не приходило требовать у хозяина что-либо, кроме предложенного лично им. И даже тот, что спал, сейчас пробудился от звуков голоса варвара — пробудился и выпучился на него с изумлением, граничащим с ужасом, хотя вряд ли и сам мог объяснить происхождение таких глубоких чувств — смысла речи Конана он слышать не мог, а потому не должен был и пугаться. Но каковы бы ни оказались причины его страха, он взял-таки себя в руки и смолчал, несмотря на то, что ему безумно хотелось визжать и плакать.

А хозяин, который и в самом деле не отличался стройностью фигуры, возмущенно пискнул и, лягнув гостя свободной ногой, попытался вырваться. Напрасно. Тот держал его штанину только двумя пальцами — так, словно брезговал, — но все прыжки и скачки толстяка не увенчались успехом. Под общий громовой хохот он лишь пыхтел, сопел и фыркал, не осмеливаясь оскорбить грозного пришельца словом, но как стоял на одном месте, так стоять и остался.

— Ну? — вопросил наконец киммериец, подвигая миску с бобами поближе к хозяину. — Ты побежал за мясом?

— Да! — в отчаянии выкрикнул несчастный, отворотя нос. И тут же, сопровожденный весьма ощутимым пинком под зад, полетел вдоль стола, в конце которого грохнулся сначала на живот, а затем перекатился на спину.

— Мя-аса! — заревел шемит и швырнул на пол свою миску.

— Мяса!!! — заорали остальные, топоча ногами.

— Мъяс-с-са... — прошелестел душевнобольной, плохо соображая, о каком мясе идет речь.

Перепуганный хозяин, встав на четвереньки, быстро пополз в укрытие; но, хотя он и продемонстрировал сейчас скорость, удивившую даже его самого, протухшие бобы так и сыпались на голову, лопаясь и растекаясь по волосам; шмыгнув в темный узкий коридорчик, отделявший его комнату от общего зала, толстяк вскочил, задыхаясь не столько от перенесенных страданий, сколько от омерзительного запаха собственного блюда, прыгнул за дверь и, с треском захлопнув ее за собой, поспешно задвинул железный штырь — теперь он был спасен. И все же его баранам, что томились в сарае позади дома, вряд ли предназначалась богами долгая безмятежная жизнь. Они были робки, покорны и плодовиты, но даже сия праведность не могла спасти их от ножа, ибо — и хозяин твердо в это верил — так и только так они могли уберечь его от той же печальной участи.

Утешая себя подобным образом, толстяк взял огромный кухонный тесак и, вытирая слезы не жалости, но жадности, вылез через окно на задний двор.

\* \* \*

— Что же, киммериец, — с набитым ртом проскрипел щуплый, — обсох ли ты? Могу ли я снова занять свое место?

— Сиди где сидишь, — ответил за Конана дезертир, с тем же рвением, что и некоторое время назад бобы, пережевывая свежее сочное мясо. — Благословение Иштар, отсюда мне не видать твою рожу, гаденыш.

— Ты всегда ешь мясо вместе с волосами, о смердящая ящерица? — добил щуплого презрением Иава. — Пф-ф...

Сам он уплетал кусок за куском с удивительной для такого бывалого бродяги аккуратностью, облизывая пальцы и весело кося на Конана круглым черным глазом. Варвар с неудовольствием поморщился: до того, как хозяин приволок огромный чан, полный баранины, он наслаждался всеобщим молчанием. В тишине был слышен только треск огня да сиплое дыхание простуженного бородача — после грохота ливня и такие звуки казались киммерийцу приятной музыкой. Теперь же оживленные богатым угощением постояльцы молчать явно не собирались.

Щуплый убрал из миски длинные сальные пряди пегих волос, обиженно вскинул подбородок и обратился к дезертиру.

— Я не нравлюсь тебе, сайгад?

— А ну, тихо! — властно прикрикнул шемит на обоих, заметив, как побагровело от злости тонкое смуглое лицо парня.

Конан одобрительно хмыкнул. Несмотря на молодость, он уже знал: для того, чтобы предотвратить ненужную драку, смелости требуется не менее, чем для того, чтобы подраться. Он подмигнул сайгаду, который шипел подобно разъяренной змее и пытался убить щуплого

взглядом, и снова вцепился зубами в баранью ногу. Слева от него душевнобольной вяло грыз кость, время от времени громко и грустно икая, а справа, низко склонив белокурую голову, сидел юноша с бледными тонкими руками. Одежда его была бедна и ветха, и несомненно принадлежала не ему, а более широкому в плечах и в вороте мужчине, однако все прорехи тщательным образом заштопаны, а рукава неровно обрезаны и так же тщательно обшиты толстой суворой нитью.

Конан не сразу обратил на него внимание — до того, как он занял место щуплого, он сидел между шемитом и этим парнем, но тот до сих пор молчал, не шевелился и ни на кого не смотрел. И внезапное появление на постоялом дворе киммерийца, и танец позора здешнего хозяина не произвели на юного бродягу должного впечатления; казалось, собственная, очень важная и глубокая дума занимала его всего. Варвар не мог видеть его глаз, но не сомневался тем не менее, что в них прочел бы он тоску либо давнишнюю боль. Конан был молод — до двадцати лет ему оставалось еще пять лун, — но успел уже повидать в своей жизни и немощных, и душевнобольных, как сидящий сейчас слева от него бедняга, и усталых не от долгого пути, а от самой жизни, и воинов и разбойников, и бедных и богатых, и честных и бесчестных... Вряд ли он вспомнил бы их имена, да и не всегда знакомился с ними, но выражение глаз каждого помнил отлично, так что теперь без труда мог угадать по жесту, по осанке, по посадке головы то, что таилось в глубине зрачков, в душе, в сердце.

Правда, в данный момент его меньше всего волновали чувства сего молодого человека. Он уголял голод — это занятие было для него гораздо важнее всего прочего. А насытившись, он обычно предпочитал хороший сон любой, даже самой интересной беседе, и посему, отложив в сторону кость, бывшую всего дюжину глубоких вздохов назад бараньей ногой, он широко зевнул, обвел комнату осоловевшим от вкусной еды и тепла взглядом, смачно рыгнул и поднялся. Хозяин, чутко стороживший всякое движение последнего гостя, тут же подскочил и, беспрестанно кланяясь, повел варвара на второй этаж, в его комнату.

За окнами давно уже царила ночь — вязкая, словно болотная грязь, мокрая и зябкая; ни одной звезды не проявилось в черноте небес, лишь с невидимых туч все продолжал сыпаться дождь, то мелкий и колючий, то многоводный, шумный, плотный... Он равномерно бил по крыше, настораживая, но и усыпляя, и с ним опускался на землю тревожный, похожий на обморок сон. Конан сорвал с себя одежду и только прилег на широкий деревянный топчан, как тут же члены его ослабли, и без того путаные мысли в голове смешались и исчезли в тумане, а веки смыкались так крепко, что без усилия развернуть их не представлялось возможным. Но киммериец и не собирался этого делать. Он начал поворачиваться набок, дабы устроиться поудобнее и так провести ночь, но не успел: сон сковал его всего...

\* \* \*

Когда в голубом небе меж легких белых облачков засверкали теплые солнечные лучи, Конан пробудился. Бездумно смотрел он в чистую высокую даль, куда медленно подымался невидимый ему пока огненный шар. День обещал быть жарким, но свежим — дождь смыл полугодовую пыль с земной поверхности, обновил воды рек и озер, вернул к жизни растения, кои не погибли от засухи. Сколько таких дней будет еще в его жизни? Сколько раз над головой его поднимется око благого Митры, согревая могучее тело варвара мягкими лучами? О том мог знать лишь сам Хранитель Равновесия, чья власть сурова, но справедлива, чей

взор кроток, но тверд, чье имя — Митра — произносят люди с благоговением и надеждой.

Конан, по правде говоря, не относился к числу таких людей: с уст его не раз срывались проклятия в адрес Подателя Жизни, что же касается остальных богов, то их он вообще оскорблял постоянно, и обладай они менее спокойным и невозмутимым нравом, варвару пришлось бы туго.

К счастью для него, боги давно привыкли к тому, что неблагодарные двуногие существа поносят их почем зря, и если б они задались целью каждого хулителя отправлять на Серые Равнинны, то вскоре все население земли составило бы не более пяти-шести человек. Так что Конан не особенно опасался подвоха со стороны богов. Небожителям недосуг хитрить, обманывать, подстерегать и предавать — все эти занятия присущи людям, им и только им, киммериец был уверен в своих выводах. А выводы сии основывались не на одних умозаключениях, а истинно на собственном его опыте, что для жизни несравненно дороже, нежели любое, даже самое изысканное философическое измышление.

Опустив руку, Конан нащупал на полу влажный комок, встряхнул, и, поймав вывалившиеся из него штаны, с гримасой отвращения начал натягивать их на себя. После недолгого раздумья рубаху он отшвырнул в сторону, а надел лишь кожаную безрукавку; затем влез в сандалии, подошвы которых истончали за время долгого его пути; порыввшись в глубоких карманах, он обнаружил там среди залежей всевозможных нужных и не слишком нужных вещей серебристых нитей шнурок, коим стянул свои длинные густые волосы в хвост. На этом утренний туалет его завершился.

Внезапно с заднего двора, куда выходили мутные, никогда не мытые окна конановой комнаты, послышался душераздирающий вопль, могущий лишить жизни слабонервного человека. Варвар вскочил, треснувшись при этом макушкой о деревянный потолок и послав очередное проклятие Нергалу и его приспешникам, и ринулся к окошку. То, что он увидел, заставило его моментально ощутить вдруг образовавшуюся в желудке пустоту: вооруженный огромным топором хозяин, тряся жирным животом, бегал по двору за упитанным, дико визжащим петухом, весьма на него самого похожим. Петух, по всей вероятности, предназначался на завтрак ему, Конану, как дорогому гостю, чей здоровый кулак показался хозяину более веским аргументом, нежели деньги прочих, не таких капризных постояльцев. В мыслях уже представляя петуха в жареном виде, покоящемся на блюде в окружении разного рода овощей, киммериец поспешил вниз, дабы перед трапезой промочить глотку свежим пивом.

В общей комнате кроме шемита никого не было. Остатки ночного пиршества украшали длинный стол — огрызки, кости, пивные лужицы, хлебные корки; пол, усеянный раздавленными бобами, сверху оказался еще полит какой-то дрянью, и вонял так, что Конану, чей нос слыхивал и не такие запахи, вдруг захотелось уйти отсюда немедленно и навсегда. Но — только с петухом в желудке. А поскольку птица сия, по расчетам варвара, пока что только собиралась занять достойное для нее место на сковороде, он уселся рядом с Иавой и, подозрительно понюхав горлышко кривобокого глиняного кувшина, в один миг почти опустошил его.

— Хорошо ли почивал ты, варвар? — вежливо осведомился шемит, с обычной улыбкой своей глядя на киммерийца.

— Почивал неплохо, — ответствовал Конан. — А ты, сдается мне, совсем не ложился?

— Какое там... Наш хозяин — да будь он сожран с костями Золотым Павлином Сабатеи — утаил дюжину бочонков отличного пива, плут... А я терпеть не могу кислятины!

Вот и пошел этой ночью на поиски... в его погреб... Понравилось тебе нынешнее пиво?

— Угу... хр-рм... — промычал варвар, допивая остатки. — А больше в погребе ничего не осталось?

— Уж не думаешь ли ты, приятель, что я способен за ночь вылакать всю дюжину? — Шемит наклонился, сунул руку под стол и выудил оттуда еще один кувшин. — Пей! И да не замучает тебя жажда на пути твоем, киммериец!

Конан хмыкнул, отмечая про себя, что после ночного возлияния Иава стал слишком многословен и сентиментален.

— Я заплатил этой жирной крысе за постой два золотых, — продолжал шемит, грозя кулаком куда-то вдаль, по всей видимости, полагая, что жирная крыса находится именно там, — два золотых! А он подсунул мне кислое пиво и протухшие бобы! О, жадность! Ты, ты правишь подлунным миром! Веришь ли, Конан, когда я нашел в погребе сие чудесное, ароматное, свежее пиво, слезы навернулись на глаза мои... Ты пей, пей... И воскликнул я в печали: «О жадность...»

— Ты это уже говорил, — буркнул киммериец, наконец отрываясь от кувшина. — И я согласен, что жадность — великий грех. Будь я на месте Митры, я бы каждого скареду наказывал плетьми, пока не подобреет... Но миром правит все же нечто другое...

— Что?

— Не ведаю. Может, отвага и честь, а может, зло и обман.

— Любовь!

Нежный, мелодичный, но слабый голос заставил обоих мужчин с удивлением оглянуться. На лестнице, ведущей на второй этаж дома, стояла девушка, вернее — девочка, та самая, которую прошлым вечером Конан принял за парня. Если бы варвар мог облечь мысли свои в слова, он сказал бы, что юная красотка эта похожа на мальчика, который похож на девочку. Белокурые волосы ее, коротко обркомсаные тупым ножом, были перехвачены кожаной ленточкой; одежда мешком висела на тоненькой невысокой фигурке, не скрывая, но подчеркивая ее изящество и стройность; в чистых голубых глазах киммериец даже с такого расстояния узрел то, о чем он догадался еще не заглянув в них — затаенную боль и тоску, развеять которую вряд ли могли и хорошее вино, и дружеская беседа. Но и скрытая сила чувствовалась в девушке — Конан уловил ее еле заметные импульсы, насторожился.

— Миром правит любовь, — повторила она, спускаясь. Шла она странно — осторожными шагами, слегка покачиваясь, словно только недавно очнулась после тяжелой болезни.

— Что же, — ухмыльнулся немного смущенный Иава, — если я в кого-либо влюблен, значит, я обладаю некой силой, недоступной другому человеку? Так по-твоему?

— Нет, не так, — проворчал Конан, разглядывая девушку. — Слыхал я такие речи, и не раз. Она толкует тебе, шемит, о любви ко всем. Я прав, красавица?

— Продолжай, — кивнула она, чуть улыбнувшись бледными губами. Северный говор ее, так хорошо знакомый киммерийцу, смягчал и растигивал слова, каждое из которых звучало в ее устах словно начало песни. — Не знаю, как объяснить, но это что-то вроде веселой пирушки в кабаке. У тебя полный кошель, а у твоих приятелей пустой. И ты не жалеешь своих денег на то, чтоб они напились хорошенъко за твой счет. А в другой раз кто-либо из них угостит тебя, понял?

— Если ты накормил меня мясом, а я напоил тебя пивом, сие не означает, что мы влюблены, варвар. А тем паче я не собираюсь любить каждого, кто устроит свою задницу за

моим столом... О, Конан! Я вижу, ты не теряешь времени...

Иава схватил со стола кувшин и сунул в него нос.

— Пусто! Ах ты, киммерийская рожа... Пока я толковал о любви, он выдул все пиво!  
Чтоб тебя жажда замучила когда-нибудь, бездонное брюхо!

— Чтоб ты всю жизнь пил кислятину! — парировал Конан, едва сдерживая смех при виде вытянутой физиономии шемита.

Услышав такое жестокое пожелание, Иава ахнул, сложил руки на груди и вперил в варвара укоризненный взгляд, но затем уголки губ его дрогнули, глаза потеплели; рассмеявшись, он ткнул нового приятеля увесистым кулаком в плечо.

— Ну, пес... Ну и... пес. На! Пей! — Волосатая рука шемита снова нырнула под стол. — И красотку угости!

— Меня зовут Мангельда, — тихо сказала девушка, ежась, словно от холода. И тотчас в комнате в самом деле стало как будто зябко. То ли ветер внезапно рванул на улице, проникая в широкие щели окон, то ли из глаз Мангельды потянуло той тоской, что леденит кровь подобно прикосновению снежного пальца Имира, но и шемит, и киммериец ощутили вдруг некий неуют, сопровождаемый мурашками по коже и дрожью в груди, где-то около сердца.

Конан тряхнул головой, отгоняя наваждение, и подозрительно посмотрел на девушку.

— Кром... Не хочу тебя обидеть, но... Ты, случаем, не суккуб?

Мангельда вздрогнула. Нежная и без того бледная кожа ее побелела; пожав плечами, она чуть приоткрыла пухлые губки, явно желая ответить варвару, но смолчала. И только опять в глазах ее он увидел ответ — та же боль, коей никак не может страдать жаждущая чужой крови тварь...

Конану вдруг захотелось обнять ее, чтобы взять на себя хотя бы малую часть этой боли, этой тоски, согреть ее так, как может согреть лишь чистое сердце — отдав свое тепло. Он решительно встал, взял тонкую хрупкую руку Мангельды так бережно, как только мог, и повлек девушку за собой, наверх. Из головы его вмиг улетучились все мысли о жареном петухе и новом приятеле Иаве, что остался за столом один на один с кувшином отличного пива; он забыл о том, куда и зачем пробирался через горы Кофа; он и не желал сейчас знать ни о чем. Девушка — девочка, идущая за ним покорно, словно ребенок, ведомая им, и, как ни странно, но искренне любимая им, в сие солнечное утро занимала его всего без остатка. Пинком распахнув перед нею дверь своей комнаты, Конан провел Мангельду внутрь, посадил на топчан и укрыл покрывалом — теперь они могли поговорить.

## Глава 2. Мангельда

— Откуда ты, Мангельда? Из Гипербореи?

— Почти, — с трудом разлепила бледные пересохшие губы девушка. — Я из Ландхаагена...

— А это еще где? — удивленно поднял брови варвар. — Сколько живу на свете, о такой стране не слыхивал.

— На севере, за тундрой... Там только снег и лед, только снег и лед...

— Невесело, должно быть... — На этом вежливом замечании Конан решил завершить светскую часть беседы и перейти к делу. — Знаешь, трудно мотаться по свету с таким камнем у печени... Что тебя гнетет, красавица?

Девушка молча покачала головой, опустила глаза, словно догадавшись, что именно они выдают ее боль.

— Послушай, Мангельда... Тьфу! Я не умею разговаривать с детьми! Сколько зим тебе? Десять? Двенадцать?

— Пятнадцать...

— Кром! И ты прошла от тундры до самого Кофа одна? Как же отец отпустил тебя?

— У меня нет отца.

— А мать?

— Никого уже нет... — тихо, едва слышно произнесла Мангельда. Глаза ее закрылись — тяжело, как у старого, смертельно уставшего человека, — а губы зашевелились, то ли шепча молитву, то ли прощаясь с кем-то очень близким. Глядя в отрешенное лицо этой девочки, Конан вдруг совершенно ясно понял, что жизни в ней уже нет, но не скрытая болезнь тому причиной, а нечто иное, чужое и пока непознанное им, а может, и никем другим. И холод, исходящий от нее, несомненно был того же происхождения — в смерти нет тепла, есть лишь мрак и звонкая, недосягаемо высокая нота, от которой дрожь в груди и мурашки по коже... Губы варвара искривились в злобной ухмылке — мысленно он уже вонзил острие своего меча в ту тварь, что держала девочку в волоске от Серых Равнин, но не отпускала еще, как бы наслаждаясь ее медленным угасанием... В том, что такая тварь существует в действительности, Конан не сомневался ни на миг, как не сомневался в том, что путь его в Султанапур окажется несколько длиннее, чем он предполагал ранее. Только мимолетно испытал он чужую боль и тоску, но и этого было вполне достаточно. Теперь он не собирался оставлять Мангельду. Он отправится вместе с ней, куда бы она ни шла, и грязной обезьяне придется сначала помериться силой с ним, с Конаном, прежде чем ей удастся услышать последний вздох девочки.

Киммериец и сам не ожидал от себя подобных чувств — его суровой натуре свойственны были действия, и только. Он всегда мог вступиться за того, кто нуждался в том, но страдать заодно с кем-то... Нет, такого еще не было. Что ж, не было — так будет. До того остро он ощутил в облике Мангельды, в ней самой тот баланс меж юностью и дряхлостью, жизнью и смертью, словно ступил на невидимую грань неизведанного еще человеком, и стоило ему сделать даже не шаг — короткое движение туда, как иной мир откроется его глазам и душе, мир, в котором, возможно, и предстоит ему остаться навсегда. Но там все же было не место человеку — не умом, но некими колебаниями сердца осознавал это молодой киммериец. Там — смерть, оборотная сторона Серых Равнин, с неизвестным никому названием, но с

понятной сутью. Ощущение сие оказалось на миг страшным даже для него — могучего варвара с суровых земель Киммерии... Конан стиснул зубы, стараясь унять в груди бешеный пляс сердца, и легонько тронул тонкую, бледную, почти прозрачную руку Мангельды.

— Эй... Пусть твой Имир обратит меня хоть в ледяной столб, но я пойду с тобой. Слышишь?

— Зачем? — Мангельда открыла глаза, обдав киммерийца холодной сонной мутью.

— Затем, что... Кром... Я так хочу! И ты не дойдешь одна!

— Я дойду. Я должна, — ровным голосом произнесла она, пытаясь улыбнуться. — Я дойду, Конан.

— Куда?

— К морю Запада.

— А там что? Что ты будешь делать там?

— Возьму лодку, поплыву к югу, к Желтому острову...

— А дальше?

— Да поможет мне Иштар...

— Иштар не поможет, Мангельда. Я помогу. Говори, что дальше!

— Он живет на Желтом острове. Он — Гринсвельд, у нас его называли Горилла Грин...

Он похож на обезьяну. Старики рассказывали, будто он и есть обезьяна, будто его подкинул сам Сет к дому Фьонды — рыбачки из соседней деревни... — Мангельда говорила медленно, слабым безжизненным голосом, как будто усталость наконец одолевала ее. Казалось, она хочет спать — так пусты становились с каждым словом чистые голубые глаза. — Сам Сет... К дому Фьонды...

— Постой-ка, красавица... — Конан достал из глубокого кармана штанов плоскую флягу, ранее принадлежавшую шемиту, сковырнул ногтем пробку, и, отпив небольшой глоток, остальное предложил Мангельде. — Пей, пей все, там не больше трети. Ну? Тебе не стало лучше?

Бледные впалые щеки девушки чуть порозовели; она благодарно взглянула на Конана, но тут же снова отвернулась.

— А теперь продолжай, Мангельда. Что натворила эта горилла?

— Гринсвельд... Горилла Грин... Полубезьяна-получеловек, воспитанный рыбачкой Фьондой. Он... он украл вечно зеленую ветвь маттенсаи. Наша страна — Ландхаагген, я слышала, когда-то давно, во времена деда моего деда, была плодородной и теплой, подобно южным королевствам, а люди красивы, здоровы и тихи нравом... Это вечно зеленая ветвь маттенсаи — она хранила Ландхаагген долгое время... А потом трон занял Третий Мольдзен — отец нашего нынешнего короля... О-о, Мольдзены живут долго, так долго, что три поколения простых людей уходят на Серые Равнины за это время... Тот король, рассказывали старики, лица имел два, и души имел две — одна сторона черная, душная, гнилая, другая — благостная, кроткая... Как сладить с собой такому человеку? Когда верх брала первая сторона — Мольдзен лютовал хуже всякого зверя, сотню за сотней отправлял он в темницу, сотню за сотней на страшную казнь. Люди звали его в такие дни Мольдзен Блэханд — Черный Мольдзен. Но случалось, верх одерживала вторая сторона, и тогда на площадях раздавали хлеб, казни отменялись, а из темниц выпускали тех, кто не умер еще от голода и пыток... Мольдзен Вайханд — Белый Мольдзен, так называли короля в эти счастливые для всех дни... Но... время шло, Конан, и все реже черное сменялось белым.

Девушка замолчала, отрешенно глядя куда-то в стенку, мимо киммерийца. Румянец

сошел с ее щек, губы вновь побелели — видимо, душа была уже необратимо больна, и жаркий, будоражащий кровь бранд не мог помочь ей надолго.

— Что дальше, Мангельда? — Конан старался говорить как можно тише, но все равно его сильный, низкий, чуть хрипловатый голос пророкотал в маленькой комнатке подобно раскату далекого грома.

Мангельда посмотрела на него мутным, невыразительным взглядом; с каждым вздохом она слабела, и киммериец, чувствуя это, отчаянно удерживал ее здесь, в этом мире — глазами, сердцем, словом... Паузы быть не должно, иначе тонкая нить ее жизни прервется... И Мангельда, чуть вздрогнув от звука его голоса, продолжала свой рассказ.

— Вечно зеленая ветвь маттенсаи покрылась льдом, и вся страна покрылась льдом. Избранный богами край, оазис мира и плодородия среди холодных северных пустынь... Но боги покинули нас, ибо Мольдзен Блэханд совершил грехов неизмеримо больше, чем Мольдзен Вайханд успевал замаливать. Да и умерла уже к тому времени светлая сторона его души... Ландхаагген покрылся льдом... Голубые, зеленые глыбы льда повсюду... Вечная ночь и короткий-короткий день. Ветер, сбивающий с ног даже здорового сильного мужчину. Но сначала три луны подряд шел снег... Он не переставал идти и на миг — все валил и валил, хлопьями, целыми охапками... И даже мы не могли ничего сделать. — Мы?

— Мы, антархи — «обладающие знаниями». Мое племя произошло от Асвельна, юного хеминга с берегов Ванахейма. Кочевые племена хемингов в ту пору разбойничали и в Гиперборее, и в Бритунии, и даже в Немедии... Асвельн был моложе меня, когда их отряд сравнял с землей деревню на границе Ландхааггена. Легенда гласит, что после того, как последний житель деревни упал с кинжалом в сердце, небесная твердь обрушилась на хемингов, раздавив их всех, всех до одного, — Мангельда выдохнула, чуть покачнулась, но тут же открыла глаза, впервые за все время посмотрев на Конана прямо и спокойно. Мальчишеская челка ее белых, словно седых волос дрогнула — из-за плотно прикрытой двери потянуло вдруг сквозняком, и таким зябким, сырым, что и варвару стало несколько неуютно в этой крошечной каморке. Он криво ухмыльнулся, пожимая плечами, и жестом просил Мангельду продолжать.

— Когда солнце поднялось над равниной, все лучи его собрались в один, раскаленный, ослепительно красный луч, который ударил в то, что совсем еще недавно было телом Асвельна... И он встал — как прежде юный, красивый и стройный, но голубые глаза его обрели иной взгляд, идущий из глубины — нет, не его сердца, а глубины времени и опыта земного, не приобретенного им самим, но полученного как... как получают наследство. Избранник богов, Асвельн... От него и произошло племя антархов — мое племя. Мы живем... жили... у реки Скарсааны, там, где раньше никогда не бывало холодно, а теперь никогда не бывает тепло. И вечно зеленая ветвь маттенсаи хранилась у нас, до тех пор, пока Гринсвельд не похитил ее...

— Ты идешь за ней?

— Да.

— Но почему именно ты? Или в Ландхааггене не осталось мужчин?

— Никого... Никого не осталось... Ландхаагген погибает... Скоро на месте его будет ледяная пустыня... И мы... Без маттенсаи мы, антархи, скоро исчезнем с лица земли. Она — сердце нашего племени. Ее должны вернуть стране мы... И если мы не сумеем, то никто не сумеет. Я поклялась найти ее... Поклялась сама себе. Но я никогда не нарушу мою клятву... Это моя клятва... Только моя... Клятва...

Глаза Мангельды закрылись; она всхлипнула — уже во сне — тонко, жалобно, как ребенок; хрупкое тело ее расслабилось, мягко повалилось на деревянный топчан Конана. Он встал, поправил на ней покрывало, и вышел.

\* \* \*

— О-о-о! Конан! — будто маслом налитые глаза шемита чуть прояснились при виде киммерийца. — А я тут к твоей птичке пристроился! Садись и ты!

— Я предупреждал его, храбрый воин, волею небес посетивший мое ничтожное пристанище, — заюлил хозяин, обретавшийся здесь же, — кущанье сие готовилось только для тебя, отважный лев. А он, гляди-ка, откусил ногу — да и ест ее себе, нечестивец... И тебя поминал... ой, недобрый словом... Варвар, мол, и без петуха обойдется...

— Пошел вон! — прогремел Иава, замахиваясь на толстяка обгрызенной петушиной лапой. — Не слушай его, приятель. Садись и принимайся за благородную птицу, что жизнью пожертвовала ради твоего и моего желудков.

— Пиво осталось? — прорычал Конан, сверху вниз глядя на хозяина темными синими глазами.

— Осталось, ловкий гепард, осталось. — Толстяк сразу понял, что речь идет отнюдь не о кислом пиве для простых гостей. — Прошу тебя, отведай, острый меч...

Конан забрал кувшин, даже не потрудившись проверить, свежее ли пиво, и прямо из-под носа Иавы ухватил петуха за оставшуюся лапу.

— Тебе хватит, шемит...

Обеспечив таким образом приличный завтрак себе и Мангельде, варвар двинулся прочь.

— Эй! — хитро улыбаясь, шемит повертел в воздухе волосатой ручищкой. — Флягу от бранда вернешь?

— Верну, — усмехнулся Конан и, больше не оборачиваясь, пошел по лестнице на второй этаж.

\* \* \*

— Когда Горилла уволок ветку?

— Пять зим назад. Мы готовились к смандангу — это ритуал обращения к богам через маттенсаи. Мы долго ждали... После смерти Мольдзена Блэханда в прошлом столетии у нас появилась надежда вернуть Ландааггену его первоначальное, подаренное богами состояние мира и плодородия. Но сначала должны были появиться на свет два близнеца, два воина-антарха. Воины рождаются только от старейшины, Конан, от прямого потомка Асвельна, потому мы и ждали так долго... Но пять зим назад Имада — жена старейшины — родила близнецов, и мы стали готовиться к смандангу... В первый же день на верхних листьях маттенсаи растаял лед — знак того, что боги благосклонны к нам по-прежнему и вскоре нам удастся освободить Ландаагген от власти мрака и льда! На второй день оттаял ствол, почти до середины, и берег Скарсааны показал свои темные воды... Только берег, но я и того не видела за всю жизнь! А на третий день... А на третий день вечно зеленая ветвь маттенсаи пропала. Как это могло случиться? Никто объяснить и понять не мог, даже сам старейшина.

Уныние охватило всех... Мы связаны маттенсай с богами и... с жизнью. Без нее не только Ландхаагген, но и все племя антархов погибнет. Так и произошло.

— Твое племя погибло?

— Да. Почти все. На шестую луну после пропажи вечно зеленой ветви маттенсай старейшине явился во сне Асвельн — он и поведал, кто похитил ее... Остальное мы узнали сами, это было нетрудно. Гринсвельд давно подбирался к нам. Он хотел обладать нашими знаниями, но он — не антарх. У нас и маленькие дети, которые лишь только научились ходить, знают то, что недоступно простому человеку. Это знание заложено в них с самого мига зачатия.

— И что же это?

Мангельда слабо улыбнулась. Короткий сон и еда снова оживили ее, вернули немного сил. Надолго ли — варвар не знал, а потому и не давал ей замолкнуть, заставляя продолжать рассказ.

— Ты не поймешь, Конан, ибо сие не столько мысленно, сколько чувственно, а передать чувства гораздо сложнее, и времени требует несравнимо больше. Да и зачем тебе? Мы — хранители страны, в этом наша сила. Мы — хранители тайного знания и самой тайны сущего. Мы — хранители равновесия на небольшом кусочке суши, и пока есть антархи, в Ландхааггене никогда не будет войны. Мы — избранники богов, но мы потеряли с ними связь...

— Маттенсай?

— Маттенсай... Мы позволили чужаку не только коснуться ее, но и завладеть ею, а это великий грех, великий... Но Гринсвельд, как выяснили мы потом, вовсе и не был просто плохим человеком. Темная оболочка его оказалась лишь прикрытием. Под ней мы обнаружили страшные провалы, а в них — тоже тайны, но не опыта и знания, а смерти и... То была демоническая сущность, Конан. Ему она принадлежала, нет ли, установить мы не смогли. Но маттенсай похитил человек тьмы, будь то Гринсвельд или... Впрочем, это не имеет значения. Сначала мне надо попасть на Желтый остров... Первым туда ушел старейшина. Мы ждали его пять лун — напрасно. За это время в нашей деревне умерли его близнецы и еще две женщины. Потом пошел мой брат... Но и он не вернулся. Мы ждали его три луны, и за это время умерло уже вдвое больше — и среди них мой отец и моя мать... Так за маттенсай отправлялись один за другим те антархи, которые еще могли ходить. Остальные тихо угасали, ожидая и не дожидаясь их. Наконец... Наконец осталось только трое. Я — Мангельда, внучка старейшины, мой маленький брат и девочка, младшая сестра моего друга. Им — продолжать род антархов, им — исполнять сманданг и спасать Ландхаагген от мрака и льда, если я сумею найти вечно зеленую ветвь маттенсай. Если же не сумею — значит, и они умрут вслед за мной, ибо без маттенсай в нас нет крови...

— И ты надеешься добраться до Желтого острова, а потом еще и сразиться с Гринсвельдом? Кром! Я вижу не девочку, но мужа!

— Каждый антарх становится воином, когда того требуют обстоятельства. Не думай, Конан, что я слабая девочка. Сил и нужных знаний во мне столько, что если я доберусь до Желтого острова, Горилле Грину не поздоровится. И он это знает. Поэтому, скорее всего, он попытается остановить меня прежде, чем я подойду к морю Запада... Как он остановил других... Но у меня есть перед ними одно преимущество...

— И какое же?

— Я должна это сделать. Я последняя. Если не я — то кто?

# Глава 3. Чужая клятва

— Зачем же Гринсвельду ваша ветка?

По тонкому лицу Мангельды блуждала отстраненная улыбка — она была уже в своем мире, за пределами понимания киммерийца. Сила ее, которую ощущал он с самого начала, дремала в ней и никак не могла пробудиться, задавленная более мощной чувственной волной тоски, тяжести долга и боязни поражения.

Но Мангельда пыталась освободиться не тем способом, какой был бы действен в этой ситуации: потеряв близких, заполнив всю себя клятвой, пройдя огромное расстояние пешком, одна, она невероятно устала, а потому боролась именно с усталостью, хотя ни сон, ни беседа уже не помогали ей. И все же какое-то тревожное колебание вокруг себя она уловила уже давно. Открыв незаметно для других внешнюю оболочку сначала одного, потом второго постояльца, а потом и остальных и не найдя в них ничего, лично для нее опасного, Мангельда немного успокоилась. И только ударившись о невидимый и совершенно непробиваемый панцирь Конана, она заволновалась, потеряв при этом большую половину оставшейся в ней жизни; но затем поняла, что закрытость молодого варвара объяснялась не принадлежностью его к чужому и враждебному ей миру, а исключительно могучей силой его, истоки которой она ощутила в самом далеком прошлом. То есть с его стороны она могла ждать только помощи, более того: только от него и могла она ждать помощи. Сила этого киммерийца, от самого сотворения земли пополнявшаяся опытом поколений, не обретенная, но впитанная им, его сущностью так же, как и ею были впитаны тайные знания антархов — с момента зачатия, делала его незаменимым помощником, а может быть, и ведущим. Сейчас, когда Мангельда ослабла так, что и без постороннего враждебного вмешательства вряд ли достигла бы даже моря Запада, спутник был ей необходим. Осознав это, она поведала Конану историю Ландхаагена и племени антархов; доверившись ему, она облегченно вздохнула, хотя и не была убеждена в том, что поступила правильно — не потому, что сомнения в этом парне одолевали ее — если Мангельда принимала решение, она не меняла его под воздействием лишь мимолетных колебаний, но потому, что не привыкла взваливать свою ношу на чужие плечи. Впрочем, иного выхода у нее не было.

— Зачем Гринсвельду маттенсаи? — повторил вопрос Конан, но ответа так и не получил. Мангельда крепко спала — толстое покрывало прятало под собою ее худенькое детское тельце, и только тонкая, прозрачно бледная рука безвольно свешивалась к полу. Варвар осторожно коснулся расслабленных пальцев ее, тут же ощущив с жалостью и удивлением их слабость, и вышел из комнаты, плотно прикрыв дверь.

А внизу Иава уже орал во все горло благодарственную оэду Птеору, обнявшись с сайгадом и щуплым, кои, кажется, за это время нашли наконец общий язык; бородач путано рассказывал что-то душевнобольному, но тот не слушал — с восхищением глядя на шемита, он тоненько подывал его разухабистой песне, сбивая ритм, и плакал. Хозяин, сумрачно наблюдавший из дальнего угла это гулянье, загибал пальцы, явно подсчитывая убытки, и Конана встретил жалкой кривоватой улыбкой — от этого гостя следовало ожидать беспокойства больше, нежели от всей компании.

Под приветственные вопли гуляк киммериец уселся за стол, и был приятно удивлен, обнаружив, что пьют они не пиво, а вино, причем вино хорошее — туранское красное, славящееся неповторимым ароматом и исключительной крепостью. Опрокинув первую

кружку в свою действительно бездонную глотку, варвар с мрачной усмешкой оглядел постояльцев. Иава заразил-таки песней остальных, и теперь, обнявшись, пели все, понятия не имея, кто такой Птеор, но зато раскачиваясь то влево, то вправо не жалея сил, так резво, что сей шемитский бог непременно должен был быть удовлетворен.

Конан не имел слуха и все песни обычно исполнял одинаково — выкрикивая слова и старательно протягивая последний слог каждой строки, и чем громче он кричал, тем больше нравилось ему собственное исполнение. Но когда так же пели другие, а он еще не успел вступить, девственный слух его страдал невыносимо. Благодарственную оэду Птеору варвар знал отлично и помнил, что поют ее высоко и торжественно, и сердце сладко замирает при первых же звуках волшебной мелодии. А от самозабвенных воплей шемита и его подпевал он чувствовал лишь зуд и звон в ушах, да еще острое желание заткнуть чем-нибудь их пасти, вот хотя бы бараниной — но вряд ли идею эту поддержал бы хозяин, и негоже за два дня грабить его столь бессовестно. Сколько сундуков и сколько кошельков обчистил Конан в свое время в Шадизаре — не счесть, но никогда он не брал последнего, а у здешнего хозяина, кажется, все запасы уже подошли к концу, судя по кислой его физиономии да по дюжине бутылей прекрасного вина на столе. А посему киммериец решил потерпеть те жуткие стоны, издаваемые набравшимися по самую макушку постояльцами, и выпить немного — а может, и много, на все воля Митры — турнского красного, закусить хлебом и луком, и пойти проведать Мангельду.

Эта девочка не выходила у него из головы и на миг. Привыкший к тому, что всякая женщина, будь она красива или умна, или и красива и умна, рано или поздно дарила ему свою любовь — навсегда ли, на одну ночь ли, не имело значения, — Конан даже в мыслях не допускал что-либо подобное в отношении к Мангельде. Чистота ее внешняя и внутренняя определила поведение варвара с первых же мгновений знакомства; сейчас, рассчитывая в уме путь отсюда до моря Запада, он думал только о том, как уберечь ее от Гориллы Грина в ближайшее время и впоследствии, ибо как велика степень его коварства — трудно было предугадать. Но Конан, коему приходилось уже в жизни своей сталкиваться с существами иного мира, темного и странного, совершенно точно знал, что Гринсвельд наверняка «ведет» Мангельду с самого начала ее долгого путешествия — недаром не вернулись назад те, кто ходил за маттенсай до нее, недаром упоминала она о его демонической сущности. В этих тварях нет ни беспечности, ни жалости, и надо сбрасывать все умение, все силы для того, чтобы защитить девочку — будь она хоть трижды антархом — от такого монстра. Варвар, знакомый со знаниями и возможностями друидов, обитавших на пиктских землях и бывших, по сути, молочными братьями антархов, возлагал немалые надежды на Мангельду — безусловно, она могла противостоять Гринсвельду, но...

Что бы она ни говорила, Конан отлично понимал, что и ее сила не беспредельна, да и кто знал, каково могущество твари, сумевшей похитить прямо из-под носа у антархов их священную ветвь маттенсай. Обдумав все это, киммериец пришел к выводу, что полагаться стоит — как и во всех прочих ситуациях — только на себя самого. Он поставил себе цель: сопроводить Мангельду к Желтому острову, помочь ей справиться с монстром и довести ее обратно, до Ландааггена. А потом уже можно будет с чистым сердцем следовать в Султанапур, которому, увы, придется немалые подождать Конана-варвара.

В задумчивости поглощая кружку за кружкой, киммериец не замечал настойчивых призывов Иавы присоединиться к их общему бодрому пению, не заметил он и того, как мысли в голове его начали путаться, а бутыль перед носом превратилась в Гориллу Грина и

грозила ему толстым кривым пальцем, бормоча оскорбительные ругательства. Презрительно хмыкнув, Конан ответил Гринсвельду отборными проклятиями и вскоре, грозно уставившись в темное нутро бутыли, вовсю бранился с ним, то угрожая, а то уговаривая плюнуть на все и вернуть маттенсаи антархам. Гринсвельд не соглашался, и варвар, никогда не отличавшийся терпением, наконец взъярился и тяжелым кулаком со всего размаха ударил Гориллу. И лишь когда тот разлетелся на мелкие осколки, слегка порезав недругу руку, глаза Конана чуть просветели, и он понял, что разбил всего-навсего бутыль, в которой даже оставалось немного вина.

Варвар пожал плечами, мутным взором окидывая соседей по столу, и в этот момент песня, что орали они охрипшими уже голосами, задела какую-то струну в суровой душе Конана; он прокашлялся и густым, хриплым голосом взревел гимн Крому, широкими взмахами могучих рук помогая себе, а заодно и призывая остальных присоединиться к нему. Гости не заставили себя упрашивать. С восторгом подхватили они незнакомые слова, кто визжа, кто гудя, кто блея, и миг спустя хор под руководством киммерийца уже гремел, сотрясая весь постоянный двор, и хозяин, опасаясь возможных горных обвалов, поспешил укрыться в подвале, а заодно и припрятать оставшиеся запасы.

Солнце уже садилось за горизонт, красными лучами прощально озаряя комнату, когда постояльцы все же утихомирились. Бородач упал под стол, словно соблюдая давнюю традицию всех пьяниц; сайгад и щуплый удалились, обнявшись — причем щуплый нежно поддерживал гораздо более крупного и гораздо более нализавшегося сайгада, заплетающимся языком щебеча ему что-то на ухо; душевнобольной дремал, положив голову на стол и широко раскрыв рот, Из которого словно белый флаг побежденного торчала дочиста обгладанная баранья кость. Куда подевался Иава, киммериец сразу не понял, но с трудом приподняв себя с табурета и выйдя во двор по надобности, там же нашел и шемита — тот привалился боком к навесу и так спал, хрюкая не хуже лошадей, что удивленно косили на нового соседа и отвечали ему дружественным мелодичным всхрапом. Из лучших побуждений Конан повалил бесчувственного Иаву на землю, зарыл его в солому под навесом, дабы тот почивал спокойно, и удовлетворенный, удалился к себе.

\* \* \*

Конан проснулся от яркого горячего света, бьющего прямо в глаза. Он зажмурился, заерзал, пытаясь укрыться в тени, но солнце уже стояло высоко в небе, и комната сплошь была залита его ослепительными лучами. Тогда киммериец глубоко вздохнул, с отвращением учуяв тяжелый кислый запах, извергнувшийся из его рта — следствие неумеренных возлияний прошедшей ночью; сел, и, потирая ноющее бедро, кое отлежал на полу, бросил взгляд на топчан. Там никого не оказалось.

Розовые круги поплыли перед глазами, и в них смутно проявились чьи-то лица, как будто знакомые, но в то же время неузнаваемые. Конан мотнул головой, прогоняя видения, встал, слегка покачиваясь, подошел к окну. И сквозь те же розовые круги он узрел на заднем дворе то, от чего сердце его вдруг ухнуло вниз, да так там и осталось. Тело его одеревенело, а ноги, напротив, ослабли — чуть не падая, варвар ухватился за оконный выступ, ощущая страшную сухость во рту и необъяснимо тяжелую пустоту внутри.

...И подари нам жизнь и любовь.  
Пусть буря грянет, пусть снег повалит,  
Пусть трястется под нами земля —  
На все твоя воля, пусть рушится все,  
Но только не жизнь и любовь...

Эти строки из благодарственной оэды Птеору пронеслись в голове киммерийца в одно всего лишь, но невероятно длинное мгновение. Он рванул на себя оконную раму и, глухо застонав, втиснул свое массивное тело в небольшой проем.

Он спрыгнул на землю мягко, как прыгал всегда — подобно дикой кошке; на негнувшихся ногах подошел к Мангельде, насквозь пронзенной тонким, в три пальца деревянным колом, и опустился рядом на колени. Глаза девочки были широко открыты, боль и тоска застыли там, в голубой, уже чуть замутненной смертью глубине. Конан осторожно убрал со лба Мангельды косую белую челку, а потом долго смотрел на струйку розовой крови, вяло стекавшую из уголка рта.

Вечно зеленая ветвь маттенсаи, Гринсвельд, Ландхаагген, антархи... Чужие слова, ставшие неожиданно его личными, как тот меч, что всегда висел на поясе, монотонно крутились в голове, завораживали, отвлекали от действия. Да и какое действие могло быть теперь, когда он остался один на один с тайной, ему не принадлежащей. Направление его пути обозначилось совершенно определенно — Султанапур; сейчас следовало встать, найти для Мангельды последнее пристанище, дабы не потревожил ее тело никто, ни зверь, ни человек, и снова двинуться в дорогу. То, что было задумано ранее, обязательно должно осуществиться. Как видно, Митре все же угоден был его путь в Султанапур, если так безжалостно позволил он прервать жизнь этой девочки... Потому что Конан непременно пошел бы с ней... А может, все дело в Ландхааггене? Может, он уже не нужен богам? Киммериец вопрошал в пустоту, и сам понимал это, ибо боги давно уже предоставили людям решать свои проблемы самостоятельно, даже если они неразрешимы...

И он встал. И, с яростной силой выдернув кол, отбросил его в сторону, взял на руки хрупкое, почти невесомое тело Мангельды. И пошел, сам точно не зная куда, лишь бы подальше от посторонних глаз; злобная ухмылка исказила его до того каменное лицо — он проклинал Митру, Иштар, Эрлика, всех, кого вспомнил; он проклинал себя — особенно проклинал он себя, свои беспечность и глупость, что стоили Мангельде слишком дорого... «И подари нам жизнь и любовь...» Девочке из странного племени антархов досталось немного жизни, и совсем не досталось любви. Совсем...

Пусть буря грянет, пусть снег повалит,  
Пусть трястется под нами земля —  
На все твоя воля, пусть рушится все,  
Но только не жизнь и любовь...

Наконец Конан остановился. Вокруг него были скалы — давно высохшие под жарким оком Митры, взирающим на киммерийца и сейчас. Огляделвшись, он увидел чуть правее глубокую нишу в слоистой черной скале, прошел туда. Он не захотел прощаться с

Мангельдой так, как это делали гиперборейцы и бритунцы, туранцы и шемиты, так, как это делали в его родной Киммерии. Он лишь бросил взгляд на ее тонкое белое лицо с заострившимися чертами, но тут же и отвел его. Опустив девочку на землю, сухую и твердую, словно сердца богов антархов, он продвинул ее в нишу так далеко, как только достала рука. Затем, сжав зубы, выворотил из земли длинный и узкий обломок скалы, и им плотно прикрыл могилу, законопатив все щели выдранным с корнями мхом. Удовствовавшись, что никто не сумеет отодвинуть камень и проникнуть внутрь, варвар поднялся, постоял мгновенье и, погрозив кулаком куда-то вдаль, сам толком не зная кому, пошел назад.

\* \* \*

К вечеру Конан напился вмертвую, а проснувшись на рассвете следующего дня, он уже знал, что ему делать дальше. Путешествие в Султанапур все-таки отменялось. Об этом он догадывался еще тогда, когда нашел на заднем дворе убитую кем-то Мангельду, но догадка сия была призрачна и исходила не из ума — да и в той каше, что варилась в голове его в тот день, вряд ли могла родиться здравая мысль, — но из сердца. Теперь же все для него прояснилось окончательно: чужая клятва по наследству перешла к нему — сие не подлежало сомнению и на миг, да Конан и не думал сомневаться. Он твердо решил взять на себя то, что должна была сделать Мангельда, а именно разыскать Гринсвельда и отнять у него (украсть, купить, взять силой — пока не имело значения) вечно зеленую ветвь маттенсаи.

Лежа на своем топчане, Конан пытался увидеть мысли Мангельды: может, в последнюю ночь ей явился Асвельн? Ведь не рассчитывает же он, в самом деле, на двух детей, что остались от племени антархов... Но, как хитроумно ни ставил вопрос варвар, взывая к Митре — если у него осталась еще хоть капля благородства, в чем Конан после хладнокровного убийства неизвестным злодеем Мангельды сильно сомневался, — никакого ответа он не получил. Как видно, Митре, так же как и Асвельну, было совершенно все равно, кто владеет священной маттенсаи — антархи или Горилла Грин. Киммериец в раздражении сплюнул на пол: а почему тогда ему, Конану, должно быть не все равно? Уж он-то к антархам совсем не имеет отношения!

Зарычав от бессилия, варвар перевернулся на живот, уткнувшись носом в щель между досками. Весь прошедший день заливая вином огонь, полыхавший в его груди, он всячески увиливал сам перед собой от причастности к клятве Мангельды, ибо предстоящее ему путешествие к Желтому острову не сулило выгоды — ни богатства, ни славы, — а только риск, вряд ли оправданный тем, что какая-то горилла тиснула прямо из-под носа у антархов ветку, лично для Конана никакого интереса не представляющую. Стоило ли ему продолжать чужой путь с чужой клятвой в сердце? Всякому известно, что нет пути труднее и ноши тяжелее...

Но, как ни уговаривал он себя забыть Мангельду и ее историю и двинуться к Султанапуре, ничего путного из этого не выходило. Покоя на душе не было — то виделись ему тосклевые глаза девочки, то воображение рисовало Гринсвельда, сзади коварно вонзающего кол в ее спину, то слышался плеск волн у скалистых берегов Желтого острова. Так что к утру он принял твердое решение — иди за маттенсаи — и более уже не сомневался. И только он прорычал вслух раздраженно: «Нергал с вами, пойду...», как на

душе моментально стало легко и свободно, и долгожданный покой согрел его сердце — видимо, усмехнулся про себя варвар, те, с кем, по его мнению, пребывал Нергал, остались довольны его решением... Что ж, если Митра благословляет его на сие деяние, он пойдет к морю Запада, а потом поплынет к Желтому острову... Конан широко зевнул — мысли опять перепутались, стали повторяться; веки отяжелели вдруг после целой ночи беспробудного сна; но варвар не стал задумываться об этом особенно, а повернулся набок, подложил руки под щеку и сладко уснул — первый раз за последние дни со спокойной душой...

## Глава 4. Гринсвельд

Н а этот раз он уже не был так спокоен. В приступе бешенства он разодрал на себе длинную синюю тунику кхитайского шелка, а затем и собственную грудь, заросшую черной шерстью так, что не видно было кожи. Кровь, брызнувшая из глубоких царапин, не привела его в чувство — напротив, взбесила еще сильнее, хотя, казалось, сильнее уже некуда. Захрипев, он обвел обезумевшими, побелевшими глазами огромный зал Желтой башни, с рычанием ринулся вон и, скатившись по широким мраморным ступеням, рухнул у каменной статуи Густмарха. Несколько раз двинув головой круглые густмарховые колени, он набил здоровенную шишку на лбу, но пришел немного в себя и, тяжело дыша, поднялся.

И в тот же миг, глянув в бесстрастные каменные зрачки своего бога, рассмеялся.

— О, мой Гу, не побеспокоил ли я тебя? Разведя руки в стороны, Гринсвельд склонился перед статуей в шутовском поклоне, фыркая от душившего его смеха. Он всегда мгновенно переходил из одного состояния в другое, даже диаметрально противоположное, и тем весьма гордился. Ну, в самом деле, кто еще мог после такого припадка бешенства рассмеяться весело и беззаботно? Никто. Только он, Горилла Грин, как совершенно справедливо называли его в Ландхаагенской деревне. Зачатый одной матерью, рожденный другой, он воспитывался третьей — благочестивой и работящей, и ее-то ненавидел более всех именно за то, что она была самым настоящим кладезем доброты, мудрости и кротости, а таких Гринсвельд терпеть не мог с раннего детства. Он знал, кто его отец — черная вонючая тварь из мрака Нергалова царства, безмозглый похотливый демон, вызывавший ужас и отвращение даже у мерзкой обезьяны, что зачала от него Гринсвельда; он знал, кто родил его — отступившая от бесконечных издевательств рабыня из кхитайского городишки Шепина, тучная, белокожая и рыжая. Гринсвельд помнил ее, смутно, но помнил, особенно ее сплошь покрытые веснушками полные руки. И ее он тоже ненавидел. За все — за то, что она рабыня, за внешность, за тихий голос, за покорный рыбий взгляд... Она была недостойна быть его второй матерью, носить его во чреве — его, Гориллу Грина, красавца с холодной черной кровью в жилах, способного вершить судьбы человеческие, а теперь и обладателя вечно зеленой ветви маттенсаи.

Гринсвельд скачками поднялся по лестнице снова в зал, крадучись, как ходил всегда, подошел к маленькому круглому столику у высокого и узкого окна и, кривя в довольной улыбке толстые губы, протянул руку к маттенсаи. Он поставил ее на самом солнце, но лед на стволе и листьях не таял — все заклинания антархов превратились в прах, в ничто, когда за дело взялся сам Гринсвельд. Тронув кривым, покрытым шерстью пальцем край обледеневшего, но все равно зеленого листа, он вдруг вспомнил, отчего пришел в такую ярость; зрачки его на одно мгновенье снова сузились, и в глубине их, бездонной и темной, вспыхнули красные искры. Но спустя вздох Гринсвельд расслабился и даже позволил себе мило улыбнуться. Киммериец принял на себя клятву этой девчонки? В жизни не слышал он ничего смешнее. Уж если Горилла справился со всем племенем антархов, то чем ему может навредить простой варвар?

Он захихикал, не замечая, как потекла слюна по скощенному подбородку, капая на роскошный мозаичный пол. В жизни не слышал он ничего смешнее... Наверное, только Густмарх, его бог, его хозяин, знал, как в действительности погано сейчас в черной душе Гориллы, ибо — и себе самому он признавался в этом, скрежеща зубами от злости — с

антархами он справился так легко лишь потому, что завладел маттенсай, а значит, обескровил их, лишил силы. На варвара могущество сей чудесной ветви не распространялось, из чего следовало, что остановить его нет никакой возможности.

Оборвав смех, Гринсвельд тонко взывал от бессилия. Проклятая девчонка! Жаль, что он позволил ей дойти до самого Кофа. С другой стороны, большего наслаждения он еще не испытывал: смотреть, как она идет через тундру, покрытую плотным ковром лишайников, мхов и карликовых кустарников, через Кезанкийские горы, где часты и внезапны обвалы, идет, ежедневно и еженощно желая гибели ему, Горилле Грину, голодная, одинокая и никому не нужная, а главное — последняя (двух малышей, оставшихся в деревне, Гринсвельд не считал, полагая их уже мертвецами)... О, это возбуждало его, это придавало ему сил... Каждый день ее пути он собирался отправить ее следом за остальными антархами на Серые Равнины, но наслаждение было так велико, что он решил не торопиться. К тому времени он уже успокоился, уверовав в свою силу, соединенную с силой маттенсай: оказалось совсем нетрудно справиться с измощденными, не подозревающими подвоха людьми. Первого, седовласого старейшину, он утопил в Хаусенском болоте меж Бритунией и Немедией. Второго сбросил со скалы на острые камни, третьего... О, безумный Густмарх... Эта идея принадлежала ему... Третьего он повелел отдать тиграм, и Горилла чуть было не упустил его — все же антарх не простой человек и мог бы одолеть тигра, если б Гринсвельд не спохватился... А потом осталась только Девчонка. Горилла не ожидал, что она тоже пойдет за маттенсай, но она пошла, и он допустил ее до Кофа, глупая обезьяна, за что сейчас и клял себя, не жалея.

Он подошел к своему креслу, в спинку которого с обратной стороны было вделано зеркало, повернул его к священной ветви. Затаив дыхание, Гринсвельд всматривался в мутное оконное стекло за маттенсай — там отражалось зеркало, по коему сначала пробежала рябь, а потом вдруг желтые всполохи. Снаружи солнце слепило глаза, но Горилла этого не замечал. Он ждал, когда на оконном стекле появится изображение, и оно появилось. При виде огромной фигуры юного варвара с синими глазами и черной гривой густых нечесаных волос Гринсвельд зашипел, в глубине души надеясь, что маттенсай внемлет его ненависти и поможет ему истребить мальчишку еще до того, как он прикалит к Желтому острову. Увы, ни один лист не шелохнулся на священной ветви — по всей видимости, маттенсай совершенно не интересовали чувства Гориллы Грина, а зря: она была отнюдь не повелителем его, но рабом, и придет время, когда Гринсвельд напомнит ей об этом...

Он смотрел, как собирается в дорогу варвар, как выторговывает у владельца постоянного двора хлеб и кусок солонины, а у красавчика сайгада отличный обоюдоострый кинжал за два золотых. Мощные плечи киммерийца, выпиравшие из кожаной безрукавки, теперь украшала отличная кожаная же куртка — недоумок хозяин, отчего-то расчувствовавшись, сам преподнес ее варвару в подарок. Но более всего Гориллу раздражило то обстоятельство, что парень, как видно, отправлялся в путь не один: здоровенный шемитский нобиль, а ныне ворюга и рвань, явно набивался ему в попутчики. Вот чего еще не хватало Гринсвельду! Судя по разбойничье роже этого недоноска с ним немало придется повозиться, пока и он не отправится туда, где вечная тьма окутывает тени, бывшие когда-то людьми,

И все же варвар беспокоил обезьяну несравненно больше. Он, как и Мангельда, почувствовал в нем ту первозданную силу, что могла помочь ей, но уничтожить его, и дело было вовсе не в могучих мышцах и ловких руках — Гринсвельд тоже умел держать меч, и неплохо. Суть заключалась во внутренней силе, которая пропитала всего киммерийца с пальцев ног и до

головы. Горилла кожей ощущал эту мощь, волнами бьющую даже из отражения варвара на оконном стекле. Вот он усмехнулся шемиту в ответ на какую-то шутку, несомненно, дурного толка, и его синие глаза холодно скользнули по физиономии Гринсвельда — тот даже вздрогнул, хотя киммериец никак не мог его видеть; а вот он легонько хлопнул по плечу хозяина постоянного двора, и тот бухнулся в пыль, не устояв; вот шемит широко шагает за ним по узкой тропе, вешая что-то и размахивая ручищами, а он молча идет впереди, нахмурив черные брови, и не слушает приятеля... Если бы Гринсвельд мог узнать, какая дума занимает сейчас его, он бы дорого заплатил за это!..

Что там? Кто? Словно чей-то хвост мягко мазнул по стене — ш-ш-ш — и все, но у Гориллы от постороннего незнакомого звука даже защемило виски. Замерев, он прислушался — тихо.

— Гу? — Он вжал голову в плечи и оглянулся. — Густмарх, это ты?

Но только его собственная тень, согбенная, огромная, до потолка, темнела на стене белого, с желтыми прожилками мрамора. Не меняя позы, Гринсвельд хихикнул и подмигнул ей, ногой отшвыривая кресло в сторону от окна. Хватит! Он уже насмотрелся на варвара до галлюцинаций. Никогда прежде не чудилось ему, что сзади подбирается Густмарх — обычно он беседовал с ним в открытую... Ухмылка исчезла с его губ в какую-то долю мига; выпрямившись, он презрительно посмотрел на маттенсаи и смаочно сплюнул, надеясь, что его отношение будет понято ею именно так, как он показал. Мягко ступая, Гринсвельд прошел мимо своей тени, которая почему-то не шелохнулась («опять проделки Густмарха?» — подумалось ему), и покинул зал.

\* \* \*

Желтая башня, окруженная со всех сторон остроконечными скалами, издалека вся кому мореплавателю казалась верхушкой такой же скалы, а поскольку подобраться к отвесным берегам острова никто не отваживался, он считался необитаемым. Но и в самом деле, кроме Гориллы Грина никто здесь не жил — только чайки да поморники, невесть откуда прилетевшие на Желтый остров, гнездились на прибрежных скалах, пронзительными криками заглушая тихий шелест моря.

Треугольная башня, широкая у основания, к верху сужалась и завершалась тонким шпилем; узкие и высокие бойницы, числом всего не более семи, расположены были неравномерно и стекла имели темные, цветом почти неотличимые от грязно-желтого камня башни; входа же и вовсе не наблюдалось — сим секретом весьма гордился хозяин этого странного сооружения, — а находился он в восемнадцати шагах от одной из трех стен, возле ничем не примечательной скалы.

Таким образом Гринсвельд отлично обезопасил себя от постороннего вторжения на свою территорию, а если б кого и обуяло вдруг нестерпимое любопытство и он сумел бы проникнуть на остров, у Гориллы нашлось бы немало способов переправить нахала в следующий пункт — то есть на Серые Равнины, где таких любопытных накопилось уже великое множество. И посему он был спокоен здесь так, как никогда не бывал спокоен в Ландхааггене, куда его занесло еще в младенческом возрасте по странной прихоти недоумка-папаши.

Впрочем, вполне возможно — размышлял на досуге Гринсвельд, — что имелась все же

определенная цель его пребывания там: вечно зеленая ветвь маттенсаи. Промедли он день-другой — и Ландаагген вновь мог превратиться в цветущую страну, где огненное око Митры светит всегда так мягко, в любимое на земле место богов, у границ коего даже ветра замедляют свой быстрый полет. Нет, такого, конечно, нельзя было допускать. На миг Гориллу Грина вдруг обуяло чувство гордости за свою самоотверженность, с коей он борется с богами, но оно сразу угасло при воспоминании о варваре. Вот когда мальчишка покинет эту землю навсегда — можно будет и похвалить себя. А пока, увы, не за что. Не успела мысль сия прийти к завершению, как Гринсвельд начал гордиться собственной справедливостью, надув щеки и громко пыхтя. Густмарх должен быть им доволен! Он все сделал, как нужно. Он все рассчитал, и каждый ход его до сих пор был верен!

И тем не менее, несмотря на столь удачно складывающиеся до сих пор обстоятельства, спокойствие Гориллы Грина было грубо нарушено этим мальчишкой варварам, глупцом, взявшим на себя чужое дело. Всю ночь хозяин Желтой башни провалялся на роскошном ложе без сна; всю ночь ему виделись холодные синие глаза киммерийца, меч в его могучей руке, бросок, удар, и — черная кровь, хлынувшая из перерезанного горла; всю ночь он проклинал демона, что распоряжался его судьбой лишь по праву ближайшего родственника, Мангельду, разбойника шемита и, конечно, самого варвара. А на следующее утро Горилла снова сидел у оконного стекла и наблюдал за изображением киммерийца. Его влекло сюда весь прошедший вечер, и он едва справился с собой, обещая себе с первыми же лучами солнца поставить зеркало. И вот — он вновь смотрел, как идет по узкой горной тропе огромный парень с длинными черными волосами, завязанными в хвост, а за ним, шныряя своими разноцветными глазами по сторонам, следует шемит, непонятно с какой такой радости взявший на себя функции помощника варвара. Кстати, рожа его кажется очень знакомой... Где он мог его видеть? И когда? Но тут же он и забыл обо всем, увидев, как ловко перепрыгнул варвар широкую и глубокую щель между скалами, и толстобрюхий приятель его, ни на миг не задумавшись, повторил этот трюк с удивительной легкостью...

Гринсвельд даже широко зевнул от огорчения, представив на своем острове этих непрошеных гостей. Но что он мог сделать сейчас? Разве что попробовать устроить им горный обвал? Тогда надо обратиться к Густмарху с нижайшей просьбой помочь...

Горилла в задумчивости пожал плечами, убрал кресло от окна, втиснул между подлокотниками широкий свой зад. Да, Гу бывает порой невероятно упрям, недаром к его телу — такому же, как и у всех людей — приделана ослиная голова. Сам Гринсвельд, хотя и был зачат демоном и обезьяной, выглядел совершенно обычным человеком, несколько волосатым, несколько низколобым и длинногубым, с толстым мясистым горбом от середины спины и до шеи, но все же человеком, а этот... Горилла искоса бросил взгляд на дверь в зал: от Густмарха можно ожидать чего угодно, даже прочтения мыслей на расстоянии... Поэтому он заставил себя похвалить своего бога в паре высокопарных фраз, и, успокоившись окончательно, прикрыл глаза. Довольно забивать себе голову всякими глупостями, думать о варваре и его спутнике, о маттенсаи, о Гу... Довольно. Тяжелые веки Гринсвельда опустились, нижняя губа свесилась к подбородку (вот сейчас он выглядел именно тем, кем и являлся на самом деле, то есть обычной обезьяной); все мысли его спутались или пришли в полную негодность. Без усилия он выкинул их прочь и спустя всего вздох уже спал. Сон его был страшен...

## Глава 5. В пути

— Клянусь бородой Крома, Иава, никак я не могу взять в толк, зачем ты увязался за мной, — проворчал Конан, за половину дня уже уставший от беспрерывного щебетанья спутника за спиной.

— Клянусь бровями Крома, приятель, я и сам никак не могу этого уразуметь, — весело ответствовал шемит, догоняя варвара и пытаясь заглянуть ему в глаза. — А не поведаешь ли ты мне, кто такой Кром? Уж не братец ли зловещего Имира, о коем слышал я столько небылиц, сколько не рассказывают люди даже о пресветлом Адонисе и луноликой Иштар?

— Нет, — покачал головой Конан и вдруг усмехнулся, представив себе в одной колыбели двух пухлых бородатых младенцев. — Не думаю я, что эти парни — родственники. Наверняка они даже не знакомы. Кром — бог моей Киммерии. Только из чрева матери покажется на свет новорожденный, Кром бросает на него сумрачный свой взгляд, тяжелый, что твоя сума со жратвой... — Конан примостился в углублении горы, сел и достал из заплечного мешка кусок хлеба.

— И что? — поинтересовался шемит, следя примеру приятеля.

— Есть такие, что от взгляда его отправляются прямиком на Серые Равнины. Ну, а кто выжил — тот настоящий киммериец, воин...

— Злобный старикашка ваш Кром. И слабые имеют право на жизнь...

— Ха! — вскинул голову варвар, намереваясь возразить Иаве, но вспомнил тут о Мангельде. Пожалуй, встреча с этой девочкой все же сдвинула что-то в его жизни. Он ясно увидел вдруг ее тонкие руки, огромные, полные жуткой тоски глаза, узкие плечи и хрупкую шею, которую, наверное, любой мало-мальски крепкий мужчина смог бы переломить двумя пальцами... Но была ли она так уж слаба в действительности? Нет. Конан отлично представлял себе прежнюю, незнакомую ему Мангельду. То же изящество, но — без надломленности стана; та же бледность, но — без признака болезни и усталости; и голубые глаза ее тогда, вероятно, частенько искрились весельем, присущим всем юным девушкам... А принадлежность к племени антархов, да еще прямая родственная связь со старейшиной рода несомненно ставили ее в особое положение, придавали ей гораздо больше сил и знаний, нежели другим... Тем не менее и в ее жизни наступил такой момент, когда природная, подаренная богами внутренняя сила оставила ее... Но желал ли Конан ее гибели только потому, что слабость овладела всеми ее членами, ее душой? Нет.

Повторив еще раз себе это «нет», киммериец пожал плечами, удивляясь тому, что собирался возражать Иаве. И ребенку ясно, что изначально право на жизнь имеют все, ибо дана она богами. Другое дело, как все сложится дальше, в какую сторону поведет человека...

— Кром — это мой бог, шемит, и не тебе его судить. У него своих дел полно, чтоб еще чужими заниматься... — счел нужным заступиться за Крома варвар. — И он не злобный старикашка, а справедливый и...

Он хотел добавить еще собственные измышления по поводу поведения богов, как тут новая мысль забрела по чистой случайности в голову Конана, но такая сложная и неоднозначная, что оформить ее он не смог; стараясь удержать ее в себе, запомнить, а потом уже с ней и разобраться, варвар сосредоточился, улавливая клочки чего-то интересного и непонятного, и совсем уже было поймал свою мысль за хвост, как тут шемит оглушительно чихнул, подняв клубок серой пыли, и все пропало. Голова киммерийца опустела — он

сплюнул в досаде, оторвал крепкими зубами ломоть хлеба и начал остервенело жевать его, чувствуя, как подвывает желудок, в данный момент не менее пустой, чем голова. Иава и тут последовал его примеру. Солнце не успело и на локоть склониться к земле, а спутники уже благостно смотрели на мир сквозь полуопущенные веки, разморенные духотой и приятной сытостью.

Вяло потягивая из бутыли пиво, безвозмездно переданное им человеколюбивым хозяином постоянного двора, они не разговаривали — каждый ворошил в уме нечто личное, и прошлое и настоящее, а может, и будущее; каждому дальнейший путь представлялся по-своему. И если шемиту вряд ли была ясна цель их путешествия, то Конан, напротив, отлично знал и саму цель, и возможные средства ее достижения. Воспоминание о Мангельде все еще ранили его сердце, но уже совсем не так больно, как нынешним утром; чувства уступили место расчету — здесь варвар несомненно был в своей стихии. Мысленно он спустился с гор Кофа к границе Аргоса и Шема, мысленно миновал небольшие по территории, но опасные гланские топи, мысленно прошел равнину, за которой лежало величественное море Запада. Уяснив для себя мерзкую и подлую суть Гринсвельда, молодой киммериец предполагал, что на пути им еще встретятся некие препятствия и заранее отблагодарил за них Гориллу тем, что назвал его ослиной мочой и послал к Нергалу — его не могли испугать каверзы злобной обезьяны, пусть она даже обладает демонической сущностью. Все же что бы ни говорила Мангельда, а сражаться со всякой дрянью должен воин, а не храбрая маленькая девочка. А посему варвар хотя и укорял себя за необдуманное решение принять чужую клятву, но укорял слегка, повторствуя лишь расчетливой натуре своей. Вторая же сторона конавовой души требовала бурной, неспокойной жизни, такой, какой привык он еще в Шадизаре. И, вероятно, Гринсвельд способен устроить Конану такую жизнь — как и Конан ему...

Знакомые картины мелькнули перед сонными глазами варвара: лачуга Ши Шелама в воровском квартале «Пустынька», где он, Конан, провел немало времени, то сбывая Ловкачу Ши добычу, то выслушивая его доклад о следующем объекте охоты; бесценный петух купца Хиртalamosa, на котором киммериец сумел неплохо подзаработать, И три прекрасных жены того же купца, с которыми он провел три чудесные ночи; затем узрел он пленника подлого мага Яры — некогда сильное, а после жалкое и уродливое существо, сотворенное в иных мирах иными богами — в башне Слона он избавил его от мук способом, отвратительным даже для него, чей меч порой не ведал жалости... Содрогнувшись, Конан отогнал прочь видения и вновь вернулся мыслями в настоящее. Он бросил взгляд на шемита — тот уже спал, умиротворенно сложив могучие руки на округлом тугом животе. Голову его с поредевшими уже и местами побелевшими жесткими волосами прикрывал подобно шлему большой зеленый лист, свалившийся на него невесть откуда еще в начале их совместной трапезы. Варвар усмехнулся — сейчас Иава был похож на гигантский гриб, поеденные червями особи коих видел он в диких лесах близ Рабирийских гор.

Конан действительно не мог понять, зачем шемит пошел с ним, но задумываться о том серьезно не имел причин. Его вполне устраивал легкий, на первый взгляд беззаботный характер спутника, а что там таилось в глубинах его души — Митра ведает... Киммериец уяснил уже, что Иава более двадцати лет странствовал по свету в поисках каких-то новых знаний; что сносил он за это время столько сандалий, башмаков и сапог, сколько хватило бы, чтоб обуть половину шемской наемной армии; что он был и купцом, и воином, и разбойником, и даже пиратом, но то были лишь краткие вехи его жизни — прежде всего он был бродягой, а сам называл себя путешественником и, по всей вероятности, сие

определение находилось ближе к истине; что бывал он во многих переделках, и не всегда ему удавалось выйти из них победителем... Да и то сказать, есть ли на земле люди, кои никогда не проигрывают? При этой мысли Конан неожиданно для себя самого горделиво выпятил нижнюю губу, но тут же вспомнил, что и у него случались промашки и сбои, что и его порою дурачили, как то было, например, в Шадизаре, когда заезжий туранский вор Кимшохада примитивнейшим образом подменил ему истинный священный кинжал Гро Балан, подсунув обычный клинок, не стоящий и пары медных монет.

Скривившись при этом малоприятном воспоминании, киммериец подумал вдруг, что так или иначе, но в мире постоянно сохраняется равновесие — сие есть закон, как сказал бы сумеречный дух Шеймис, его старый знакомый — и поражение не бывает одного толка: иной раз оно может унизить, привести в ярость, может даже нанести глубокую рану, но затем довольно быстро забывается, и впоследствии только легкая досада заденет — не сердце, а ум; но случаются и другие поражения — их нельзя забыть до конца жизни, они разрывают душу, они мучают вочных кошмарах и в видениях при свете дня... Конан сам видел людей, которые испытали это на себе. Не придется ли и ему вкусить подобной отравы? Ведь его поход к Желтому острову любой здравомыслящий человек назвал бы безумием! И хотя Конан и на миг не допускал печального для себя исхода в битве с Гринсвельдом, все же какая-то неясная тревога угнетала его, вызывая мимолетное томление души — так морская волна легко касается прибрежного камня, не омывая, а лишь оставляя на нем влажный след.

— Хей... — тихо позвал киммериец спутника. — Поднимайся, разноглазый... Нам пора.

— Ах ты, киммерийский бык, — не поднимая ресниц пробурчал Иава. — Ты что, никогда не спишь?

— Сплю, — пожал плечами Конан. — Но редко. А теперь я не могу терять время на такой пустяк как сон. Хочешь храпеть тут — оставайся, а мне надобно идти.

Он развернулся к приятелю спиной и двинулся вниз по тропе, будучи в полной уверенности, что шемит последует за ним. Так и вышло. Иава проворно собрал в сумку остатки припасов и, призывая на голову варвара всевозможные кары, припустил следом.

У подножия горы Конан остановился. Впереди была огромная отвесная скала, лишь в некоторых местах покрытая пучками полузасохших растений. Она тянулась на много сотен локтей и вправо и влево, словно неприступная стена великого города, но сотворенная самой природой. В этом месте кончилась и тропа, оборвавшись перед заросшей травой узкой и неглубокой канавкой, что виляла меж кустами и валунами-исполнами. Недолго думая, киммериец перешагнул ее и уверенно направился прямо к высокой, гладкой, без единого выступа скале. Прежде ему не раз приходилось одолевать казавшиеся неприступными стены — хотя вес его был не меньше веса молодого льва, он и двигался подобно льву: взлетал наверх одним пружнящим прыжком, — замирал там, а потом так же бесшумно соскальзывал вниз.

Сия скала, однако, такой мощной громадой возвышалась перед ним, что только птица достигла бы ее вершины. Варвар остановился у основания, в задумчивости глядя ладонью теплый, нагретый за день солнечными лучами камень. Скорее всего, придется обходить эту стену стороной, на что уйдет не меньше четверти дня... Ну уж нет... Киммериец скинул сандалии, связал их и перекинул через плечо, затем нашупал на ровной поверхности небольшое углубление, а повыше — еще одно. Оттолкнувшись от земли, он в долю мига очутился на стене и медленно, очень медленно полез наверх, нашаривая незаметные для глаза выступы. — Ты забыл про меня, Конан? Иава расположился на толстой мягкой кочке

под огромным валуном и оттуда наблюдал за варварам, довольно верно насвистывая все тут же благодарственную оэду Птеору. В наглых глазах его Конан, обернувшись на зов, и на расстоянии заметил насмешливый блеск, а заметив, на удивление себе самому не взъярился, как-то бывало всегда прежде, ибо он не выносил, когда над ним насмехались; фыркнув, он лишь передернул плечами и свистнул шемиту, призывая его лезть за ним.

— Прыгай, приятель, — Иава не спеша поднялся, отряхнул штаны. — Прыгай. Уже двадцать первую весну я хожу по свету и за это время истоптал столько...

— Слышал, — невежливо перебил киммериец, тем не менее спрыгивая на землю. — И что с того?

— Я уже бывал здесь, и не раз... Подойди-ка поближе...

Конан усмехнулся, но повиновался. Когда шемит велел ему спрыгнуть, он и не задумываясь сразу понял, что тот знает какой-нибудь другой, менее сложный путь. Не стал бы он иначе звать его — бывалый путешественник никогда не заставит спутника проделывать трудный переход дважды. Так и вышло. В ожидании киммерийца Иава не двинулся с места, и когда тот встал рядом с ним, он зацепил крепкими пальцами пук травы, торчащий из кочки, и с силой дернул его. С громким чавкающим звуком кочка оторвалась от земли — будто голову врага поднял ее вверх шемит, и глазам изумленного киммерийца открылась вдруг большая черная дыра, видимо, весьма глубокая, ибо из нее несло такой вековой сыростью и затхлостью, какой не может быть у поверхности земли.

— Заходи, — скомандовал Иава, аккуратно опуская кочку рядом с дырой.

Более Конан не раздумывал. Встав на колени, он ловко нырнул в мрачную пасть ногами вниз и в один только миг уже исчез там весь. Крякнув, Иава полез за ним, таща за собой кочку — ею нужно было снова заткнуть вход. Шемиту оказалось гораздо труднее втиснуться в эту дыру, чем гибкому варвару, все тело которого состояло из одних тугих мышц: сначала пришлось втянуть зад, поджать живот и скрестить на груди толстые руки; но все же и он через несколько тяжелых вздохов спустился вниз.

Мрак цвета сырой земли окутал спутников здесь. В жуткой недвижимой тишине, густой и вязкой, любой звук, любой шорох слышался иначе — то как стон неведомого монстра, то как хруст его же зубов... Сколько людей погибло в таких лабиринтах от голода и страха, не зная выхода на свет, и сколько из них сошло с ума, прежде чем умереть... Впрочем, в данной ситуации вряд ли было целесообразно задумываться о таких вещах, да варвар и не задумывался — за него этим занимался более чувствительный шемит, семенящий вслед за приятелем по длинному прямому коридору.

Опускаясь вниз, Конан был готов к тому, чтобы ползти какое-то время на брюхе, но, свалившись на дно ямы, выяснил, что попал в настоящий подземный ход — высотой почти в его собственный рост, широкий и достаточно сухой. Поднявшись, он подождал Иаву, который миг спустя со стоном грохнулся к его ногам, и пошел вперед, вытянув перед собою руки, дабы не треснуться носом о возможное препятствие.

Слава Митре, ни грызунов, ни насекомых не было в этой дыре. Пару раз Конан наступил, правда, на что-то мягкое, но оно не пискнуло и не дрогнуло под его ногой — он решил, что это комки грязи, и более уже не останавливался и на вздох. Он шел быстро: глаза его немного привыкли к темноте, и теперь он отлично разбирал дорогу; Иава едва успевал за стремительно идущим варварам, дышал тяжело, бормотал сквозь зубы проклятья на своем языке, но не просил приятеля подождать. Он третий раз уже бывал здесь, и сейчас ему казалось, что тогда, давно, лет восемь назад, в коридоре не было скользких комочеков грязи,

что так противно хлюпают и ежатся под ногами. Его не пугали ни крысы огромных размеров, ни гигантские жуки с прозрачными крыльями, ни склизкие улитки, плюющиеся едкой дрянью, каких он видел в разного рода подземных переходах, и все же тонкая натура шемита не выносила всякой вонючей и уродливой мрази, особенно, если она была мокрой. Почти варварская грубость и нежная поэтическая нота его души уживались друг с другом замечательно в большом, крепком теле Иавы. Он любил и хорошую драку, и веселую пирушку, и грустную песню одинокого бродяги, и ласковые девичьи речи, и птичьи трели, и легенды, слагаемые разными народами, и порою даже тихие слезы печальной радости после особенно жаркой ночи любви.

О, Халана... Шемит вдруг вспомнил — совсем некстати во мраке дыры — черноокую девушку, которую любил в Эруке еще в пору своей и ее юности. То была единственная его истинная любовь... Сколько же лет ей сейчас? И жива ли она? Халана... Вслух прошептав это имя, Иава вздрогнул, ощущив, как по коже побежали колючие мурашки, и на вздох замер. В тот же момент что-то липкое коснулось его ноги. Очнувшись от грез, он с удивлением посмотрел вниз. Сидящее у самой сандалии его чудовище на шести тонких кривых лапках, с огромными выкаченными глазами на длинной змеиной голове, с раздувшимся бородавчатым тельцем, было как раз-таки мокрым — мало того, с него просто-напросто стекала слизь! Шемит дернул ногой — бесполезно. Присосавшись к ноге всеми лапами, тварь и не думала слезать. Рот Иавы искривился от отвращения; зажав нос пальцами, он наклонился и, стараясь коснуться маленького монстра не кожей, но только рукавом куртки, резко толкнул его. Чудовище всхлипнуло и — вдруг выпустило на ногу человека толстую струю какой-то гадости, вероятно, ядовитой, потому что в голове шемита помутилося; качнувшись, он ухватился за стену, другой рукой разрывая воротник. Ничего не заметивший варвар уже ушел далеко вперед, и только тихий звук его уверенных шагов еще слышался Иаве, который медленно сползл на пол, уже не пытаясь удержать ускользающее сознание...

...Тем временем далеко впереди Конан узрел крошечное светлое пятнышко — несомненно, выход на ту сторону. Довольно хмыкнув, он прибавил шаг: еще совсем чуть, и они с шемитом окажутся на воле. Киммериец успел соскучиться по свежему воздуху, по свету и дневным, настоящим звукам. А здесь — Кром, ну и скука! — какая-то толстая тугая тишина. Кажется, ничто не пробьет ее — ни слово, ни песня...

— Хей, шемитская рвань, а не споешь ли ты мне оэду Птеору, а? — Конан громко захохотал, радуясь своей шутке, и обернулся, желая увидеть оскорбленную физиономию приятеля.

Никого.

— Хей! Иава, где ты?

Варвар сделал несколько осторожных шагов назад, вытягивая шею в надежде разглядеть спутника... Никого. Не мог же он спрятаться... Да здесь и негде... В раздражении сплюнув, Конан нашарил на поясе верный свой меч и решительно двинулся обратно.

## Глава 6. Лемминги

Конан нашел Иаву скоро: пройдя еще с десяток шагов, он наткнулся на его распростертое тело, на коем гордо восседала мерзкая, неизвестного киммерийцу происхождения склизкая тварь. Одним коротким и резким ударом меча варвар разрубил тварь пополам, едва успев отскочить от фонтанчика слизи, брызнувшего из ее нутра, и, скинув кончиком клинка на землю ее вонючие останки, присел возле своего поверженного спутника.

Казалось, Иава уже не дышал. И в темноте видна была мертвенная бледность его тугих щек. Но темные густые ресницы все же чуть подрагивали; киммериец осторожно поднял голову приятеля, зачем-то подул на его лоб, потом достал из его сумки запечатанную бутыль, вытащил из нее пробку, и, пальцем раздвинув зубы шемита, влил ему в рот пива. Шемит, все еще пребывая в беспамятстве, зачмокал губами, но предложенный приятелем напиток проглотил и же приоткрыл рот в ожидании следующей порции. Усмехнувшись, Конан убрал бутыль — такой больной может ставить их обоих вообще без пива! С трудом приподняв здоровенную тушу спутника, он взвалил ее себе на плечо и, воздавая хвалу Крому, одарившему его недюжинной силой, медленно пошел к выходу.

Как видно, Кром, который весьма редко удостаивался похвалы юного варвара, был доволен, ибо ни одной гадости более не встретилось на дороге Конана, и до лаза, ведущего наверх, он добрался быстро и без ненужных приключений.

Вывалив Иаву на землю, киммериец с наслаждением вдохнул чистый предвечерний воздух; огненный глаз Митры, готовясь опуститься за горизонт, потускнел, мимо него плыли на легком западном ветре светло-серые пухлые тучи, и небо, подобное им по цвету, казалось такой же тучей, только огромной, растекшейся по всему миру... Сидя на теплой еще земле рядом с неподвижным телом шемита, Конан смотрел в это небо, рассеянно жуя хлебную корку, и вновь вспоминал Мангельду. Но образ ее, еще утром такой ясный, сейчас почему-то едва проявлялся в воображении варвара: черты были зыбки, расплывчаты, и ему никак не удавалось восстановить их в памяти, а тонкий изящный силуэт колебался, чуть подрагивая, как колеблется и дрожит в воздухе дыхание костра. И только тоску, исходящую из глаз ее, Конан помнил отлично — словно и тоска вместе с клятвой перешла к нему по наследству. Хорошенькое наследство! Киммериец усмехнулся невесело, качнул головой. Надо же было именно ему наткнуться на Мангельду, едва живую от невероятной тяжести боли и долга... Видно, и впрямь боги пересекли их пути в горах Кофа, ибо кроме Конана никто не принял бы на себя чужую клятву, которая, к тому же, сопровождалась всевозможными неприятностями: и дальняя дорога, ни разу не совпадающая с прямым и людным трактом, а проходящая по горам, лесам, топям и самому морю Запада; и риск, поджидающий всякого путника, всякого бродягу в любом его путешествии; и сомнительная честь сразиться с полудемоном-полуобезьяной — варвар предпочел бы, честно говоря, кого-нибудь попроще, да вот хоть десяток-другой разбойников либо солдат... И нельзя забывать еще про обратный путь! Мало добыть вечно зеленую ветвь маттенсаи — потом надо доставить ее двум ребятишкам, что живут почти на другом краю земли от моря Запада!

От последней мысли Конану стало дурно. Он совсем забыл о конечной цели своего предприятия. Тащиться в неведомый нормальному человеку Ландхаагтен? Через Кезанкийские горы, через тундру, а там — вечная мерзлота, снега и льды, бр-р-р... И

попробуй в этой мрачной и холодной пустыне отыщи деревню антархов! А что, если к тому времени малыши погибнут?

Давно киммериец не испытывал такой досады на самого себя. Дурень! Истинно дурень! Как можно было не подумать о том, что отобрать у Гринсвельда маттенсаи — лишь половина дела... В ярости Конан несколько раз сильно ударил себя в грудь, громко предлагая Кому как-нибудь наказать неразумного сына своего — но лишь далекий шум донесся до его ушей, и было то согласие киммерийского бога или нечто иное, понять он не мог. Посидев пару вздохов молча, сверля взглядом низкую рыхлую тучу, плывущую, казалось, всего-то в сотне локтей от него, варвар вдруг словно очнулся. Он прислушался к себе, с удивлением ощущая бурление в желудке, недоверчиво хмыкнул, но разбираться не стал, а быстро извлек из мешка ломоть хлеба и уплел его, ибо хотя он и пообедал довольно плотно всего один короткий переход под землей назад, но от переживаний у него разыгралось чувство голода, а голод — это тот бог, которому Конан всегда потворствовал и был готов приносить ему жертвы хоть дюжину раз на дню. Правда, бог сей предпочитал обычно нечто более существенное, нежели хлеб, но сам варвар считал, что привередничать не стоит. Бывают в жизни моменты, когда и простой хлеб кажется лакомством...

— Пи-ить...

Слабый тонкий голос достиг ушей киммерийца. Он оглянулся на Иаву. Тот лежал все в той же позе, в какой был сброшен на землю варваром, но бледные щеки его значительно порозовели, и губы окрасились в обычный свой цвет. Вот только глаза, поблескивающие тускло из-под полуприкрытых век, были пусты. С изумлением заглянул Конан в их бессмысленную черноту, надеясь заметить хотя бы искорку прежней насмешливости или хотя бы наглости. Но печать далеких миров как маска лежала на лице шемита, отражаясь и в зрачках его. Варвар быстро выхватил из его сумки бутыль с пивом и, сам глотнув лишь раз, остальное начал аккуратно вливать в чуть приоткрытые губы приятеля. Когда в сосуде оставалось уже не более четверти, Конан, не спускавший пристального взгляда с окаменевших черт Иавы, узрел вдруг хитрый огонек, мелькнувший между щеточек ресниц. Он тут же заткнул бутыль пробкой и уселся, скрестив ноги, рядом с тушей спутника.

Киммериец уже подозревал, что дело тут нечисто — прежде не приходилось ему встречать умирающих, способных выпакать столько пива за раз, а потому он решил восстановить справедливость, то есть шемиту более ни глотка не давать — пусть утоляет жажду простой водой, коей здесь, в горах, сколь угодно. Если хорошенько поискать... По правде говоря, Конан не был уверен в том, что хитрый огонек в глазах спутника ему не померещился, но наказание отменять не собирался. К тому же, вполне возможно, что укушенный неведомой тварью Иава в скором времени отправится на Серые Равнины, и тогда никакого пива, да и воды, ему не потребуется вовсе. Смерть так близка, она всегда рядом; из мрачного царства Нергала тянутся ее длинные руки, шарят жадно по земле в поисках новых жертв, и находят — каждый миг находят. Может, маленький вонючий монстр, на коего имел неосторожность наступить шемит, и есть посланец Серых Равнин?

Конан потряс головой, прогоняя странные, несвойственные ему размышления о смерти. Он знал о ней немного, но того, что знал — с самого раннего детства — было вполне достаточно, чтобы не стремиться на Серые Равнины, но и не бояться туда попасть. Только бы смерть оказалась достойной — в бою, от руки сильного и отважного врага, с которым ты драился до последнего вздоха, но он поразил тебя в сердце, а потом выпил за тебя кружку доброго крепкого вина в какой-нибудь захудалой харчевенке... Кром... Жаль, если Иаве

суждено погибнуть иначе. Конан, напрочь уже позабывший про хитрый огонек, с сожалением посмотрел на шемита и... и кулаки его мгновенно сжались от ярости, а литые мышцы напряглись и дрогнули под кожей.

— Пи-ить, — протянул Иава, в упор глядя на приятеля насмешливым взором. Как видно, его ничуть не смущили вмиг похолодевшие синие глаза варвара и его же внушительные кулаки; напротив, столь опасная для него ситуация лишь забавляла шемита, и скрывать этого он не собирался.

— Пи-ить, — явно дразнясь, повторил он.

Тенью гепарда-охотника метнулся Конан к спутнику. В нем, ослепленном сейчас яростью, в долю мига лишь проснулось первобытное чувство, и без того довольно редко дремавшее — убить обидчика, и немедленно. Коршуном падая на недвижимое тело Иавы, он ощутил уже в руках своих его толстую шею, рыча, он торжествовал уже победу, как вдруг осознал, что никакой шеи в руках его нет, и лежит он вниз лицом, уткнувшись носом в колючую кочку, а спину его прижимает жирное колено шемита.

Дикий рев вырвался из глотки варвара. Подобного унижения он еще не испытывал. Тряхнув головой так, что длинные черные пряди волос отлетели назад, он извернулся — мускулы спины перекрутились подобно веревке — и со злобой загнанного зверя вцепился зубами в ногу Иавы чуть выше колена. Взвизгнув, тот отпустил Конана и отпрыгнул в сторону. Получивший свободу киммериец не стал ждать и вздоха. Он вновь кинулся на шемита, желая сейчас только одного: растерзать эту кучу мышц, мяса и костей на соответственно мышцы, мясо и кости. В затуманенном яростью мозгу его не было места разумным мыслям, и пролетая опять мимо Иавы, он грохнулся оземь уже почти в полном безумии. И кто знает, чем закончилась бы эта потасовка, если б, приземляясь, Конан не треснулся со всего маху лбом о камень; миг — и все, что кружилось еще в несчастной голове парня, рассыпалось в прах и улетело в небо, а то, что осталось — звалось пустотою, в чьем бесконечном черном коридоре не бывает ни мыслей, ни чувств...

\* \* \*

— О, пресветлый Адонис и любовь твоя Иштар... О, прекрасная Иштар и любовь твоя Адонис... Вдохните жизнь в заблудшую душу юного воина... Пролейте свет и тепло в сохранившиеся извилины его серого камня... А-а-а-а... И-и-и-и... Э-э-э-э...

— Кром... Перестань выть... — хрипло попросил варвар, со стоном отрывая голову от земли. Словно тонкие короткие стрелы чернокожих туземцев вонзились в его виски, впрыснув яд под кожу; от боли искры вспыхнули в глазах киммерийца. Усилием воли повернулся он набок и, приподнявшись на локте, с удивлением посмотрел на шемита.

— Где... Где я? На Серых Равнинах?

— Ты в горах Кофа, Конан. Я не был на Серых Равнинах, но сдается мне, природа там несколько иная. Но напугал ты меня, варвар, ох и напугал. Всю ночь возносил я молитвы всем богам по очереди, и Крому твоему тоже... Уж не знаю, кто из них внял моим мольбам, только ты очнулся наконец, и я рад.

— Хватит болтать! — взмолился киммериец, пытаясь сесть. Яркий свет тут же ударил ему в глаза и он невольно отпрянул снова в тень. — Утро уже... Тыфу! Скажи лучше, что со мной? Я попал под горный обвал? Или внезапная молния врезала мне между глаз?

— Гм-м... Хм... Под горный обвал.

— И ты меня вытащил? Что ж, благодарить не буду. Я бы тоже тебя вытащил.

— Да, конечно... Еще бы! Ну и ну... — горячо, но не слишком понятно отреагировал Иава, отворотя глаза.

Конан подозрительно посмотрел на чем-то весьма смущенного шемита, но, поскольку он решительно ничего не помнил из прошлого вечера, то и дознаваться более не стал. Поднявшись, он ощупал свой лоб, с неудовольствием обнаружив здоровенную саднящую шишку, и, подхватив с земли мешок, пошел вперед, нимало не заботясь тем, что Иава еще не успел сбиться.

Не успел он отойти и десяти шагов, жмурясь от ослепительных солнечных лучей, как неясный шум вдали, чем-то напоминающий шелест крыльев птичьей стаи, летящей в небесной выси, заставил его остановиться и настороженно прислушаться. Иава бесшумно подошел сзади и тоже встал. Лицо его было странно мрачно, черные брови насуплены; напрягшись, он взглядался в бесстрастные громады гор, залитые ярким светом, как бы думая увидеть там источник этого шума.

— Лемминги... — наконец вымолвил он, поворачиваясь Конану.

— Кто? — недоуменно переспросил варвар.

— Лемминги. Такие зверьки, вроде крысы. Пойдем скорее, приятель, — Иава дернул Конана за руку и припустил вниз, прыгая с выступа на выступ подобно разжиревшему горному козлу.

Киммериец, не ожидавший от спутника такой прыти, хмыкнул и присел на корточки, с удовольствием ленивого зрителя наблюдая за скачками шемита. Не слишком богатое воображение варвара приставило к черной голове Иавы и длинных и кривых словно турецкие ятаганы рога; сие чрезвычайно развеселило Конана; он хлопнул в ладони и оглушительно захохотал, радуясь своему остроумию как ребенок. Но когда шемит вдруг скрылся из глаз, киммериец снова насторожился. Непонятный шум, так напугавший Иаву, приближался. Теперь он был похож не на шелест птичьих крыльев, а на рык водопада, и в нем послышался Конану какой-то писк, или визг, или стон...

Ринувшись вниз, варвар в несколько прыжков догнал шемита, который уже ждал его, осуждающе покачивая головой.

— Кром... Да что с тобой, разноглазый? Какие крысы? Куда ты бежишь?

Конан был не на шутку раздосадован, тем более тем, что и в самом деле в шуме сем чудилось ему нечто странное, необъяснимое, а потому и опасное.

— Погоди, Конан. Сейчас не время. Давай-ка найдем местечко и склонимся. Если успеем...

Пригнувшись зачем-то, Иава метнулся вдоль подножия горы. Киммериец, каждый шаг сплевывая и ругаясь, двинулся следом.

— Сюда!

Шемит остановился, призываю махнул рукой приятелю.

— Отличная норка, парень, а? — Иава улыбнулся подошедшему варвару, и в тот же миг сверху на них неожиданно посыпалось что-то мягкое, теплое и тяжелое — будто расплавленные оком светлого Митры булыжники. Но, насколько знал варвар, булыжники не имели обыкновения царапаться, а то, что падало на его голову, обладало весьма острыми когтями, ибо тут же располосовало ему лоб и обе щеки.

Едва придя в себя от изумления, Конан выхватил меч и начал остервенело размахивать

им, круша сам не понимая что. В запале он не сразу расслышал крик шемита, и к тому моменту, когда тот за полу безрукавки затащил-таки его в нору, лицо и макушка его оказались довольно (сильно исцарапаны, а на земле лежало десятка два зарубленных грызунов, с виду и впрямь похожих на крыс.

— Кром! Кто это?

— Лемминги. Я же говорил тебе.

Шемит пострадал гораздо меньше — только через нос его проходила глубокая кровоточающая царапина; казалось, однако, его нисколько не обеспокоила эта рана. Он возбужденно сверкал из темноты глазами и громко сопел, из чего Конан незамедлительно заключил, что вонючему маленькому монстру из подземного хода все же удалось отравить Иаву.

— Нет, приятель, — читая мысли, радостно ответствовал шемит. — Я совершенно нормален! Пусть меня слопает Золотой Павлин Сабатеи, если я лгу! Лемминги! Ты понимаешь?

— Не понимаю, — мрачно буркнул Конан. Иаве не удалось его переубедить, и киммериец уверился окончательно, что спутник его потерял рассудок. И в самом деле, не станет же нормальный человек радоваться, что его исцарапала какая-то крыса.

— Лем-мин-ги! — раздельно повторил Иава ликующим шепотом. — Я так хотел увидеть схождение леммингов с гор, и вот... Я увидел! Своими глазами!

Он пристроил свой громоздкий зад на огромном валуне и с мечтательной улыбкой взирался на варвара,

— Лемминги, — как полоумный снова повторил он. — И я их увидел.

Затем он вскинул голову и победно загоготал, потрясая кулаками. Этого Конан уже вытерпеть не мог. Покрутив у виска пальцами, он повернулся к шемиту спиной и двинулся по направлению к выходу из норы. Но не сделал он и двух шагов, как в пещеру вбежало десятка два так любимых шемитом леммингов, пища и возясь друг с другом по дороге. Несколько грызунов, приняв, очевидно, варвара за могучий дуб, полезли на него, цепляясь коготками за штаны; он попытался сбросить их — бесполезно; пришлось каждого брать рукой и отшвыривать в сторону, а это было совсем непросто, так как гнусные лемминги очень сильно кусались, да и следом за ними на ноги все лезли и лезли новые.

Громко проклиная всех крыс на свете вместе с Митрой, их породившим, Конан яростно боролся с грызунами, и схватке этой, казалось, не будет конца. Он приспособился уже ломать им шею прежде чем отбросить, но следующие партии, волнами прибывавшие в нору, накидывались на него все с тем же тупым упрямством. В один момент обернувшись на Иаву, варвар заметил, что тот испытывает те же проблемы, что и он сам: серо-коричневые тушки облепили его всего, слепо тыча носами в разные стороны. И шемит, забыв на время свою безумную радость от встречи с ними, вел неравную борьбу; он оказался неплохим стратегом и тактиком — он встал так, чтобы спина его плотно касалась стенки пещеры; отрывая от себя очередного грызуна, он метал его в кучу вновь прибывших, тем самым заставляя их покинуть нору.

В изнеможении уже сражались спутники с тучами леммингов. Глаза Конана были залиты кровью и потом, расцарапанные руки горели; у него не оказалось и свободного вздоха, чтобы достать меч или, еще лучше, нож. На волосах его висел без малого десяток зверьков, клацая зубами у самых ушей; вот один уже ткнулся мокрым носом в ухо, а другой вцепился в шею — как раз в том месте, где билась голубая жилка... Сплевывая кровь, варвар

без остановки работал кулаками и ногами, пиная маленьких тварей. Но наконец, когда спутники уже почти потеряли надежду избавиться от грызунов, те поняли, что от них требуется (а может, просто догадались, что не туда попали), и начали потихоньку передислоцироваться к выходу.

Когда последний лемминг покинул пещеру, приятели, не сговариваясь, кинулись к валуну, на коем Иава восседал до начала военных действий, и быстро подкатили его к проему. То, что увидели они на воле, заставило обоих содрогнуться: через полсотни локтей гора круто обрывалась, и серо-бурые полчища леммингов сыпались вниз, отчаянно вереща; сплошным потоком пролетали они мимо норы, и поток этот не прекращался. Опасаясь нового нашествия, Конан выворотил из земли еще один камень и водрузил его на валун, почти полностью перекрыв вход в пещеру. Теперь, когда они были в безопасности, можно было заняться своими ранами.

Разодрав на длинные полоски ветхую, но чистую тунику, извлеченную со дна сумки, Иава ловко и быстро перевязал голову киммерийца; затем полил на руки себе и ему немного пива, чтобы смыть слону леммингов и кровь. В отличие от Конана, который тут же стал слизывать пиво, смешанное с кровью, брезгливый шемит тщательно вытерся куском ткани, а потом уже последовал примеру варвара. Сидя в пещере как две покусанные собаки, спутники, глухо ворча, зализывали свои раны, и ни один из них пока не представлял себе, как им отсюда выбраться.

Варвар, который понятия не имел о существовании на земле столь странных и неприятных существ, тем более не знал, как долго будет продолжаться их поход с гор. Все произшедшее казалось ему чьей-то глупой шуткой. На мгновение лишь мелькнул похожий на воспоминание образ Гориллы Грина — Конан представлял его себе как обычную большую обезьяну, — но развивать эту идею он не стал.

— Лемминги, — вдруг мечтательно произнес Иава, и киммериец в ужасе уставился на него. Похоже, остыv после боя, приятель его вновь тронулся умом.

— Нет, Конан, — улыбнулся шемит, опять читая мысли. — Я здоров. Но я, клянусь тебе светлым Адонисом, так мечтал увидеть их...

— Зачем? — рыкнул варвар, в досаде готовый выкинуть спутника из норы прямо в лапы его любимым крысам.

— Зачем? — повторил Иава. — Не знаю, как тебе сказать... — он пожал плечами и грустно усмехнулся. — Наверное, просто затем, что я хотел это видеть... Как они спускаются с гор целыми тучами и бегут к морю, по пути совокупляясь, рождая потомство, и умирая...

— К морю? Зачем? — заинтересовался Конан. Он тоже направлялся к морю и иметь таких спутников, как эти вонючие грызуны, вовсе не желал.

— Не знаю. Не знаю, Конан, и никто не знает. Я думаю, и сами лемминги, даже если бы умели разговаривать, не смогли бы тебе этого объяснить. Они бросаются в море и плывут, плывут, пока не утонут...

— Тупое нергалово отродье, — фыркнул варвар.

— Природа... — не согласился Иава. — Слышал я когда-то от одного старика, что лемминги падают на землю с неба. Ну, как дождь или снег... Будто бы живут они на тучах — оттого и тучи всегда серые, — а потом Митра вдруг обращает на них свой божественный взор, и удивляется, мол — что они делают в небе? Дунет — они и валятся вниз, на землю... Вздор. Я всегда думал, что живут они высоко в горах, куда человек дойти не может...

— Я могу, — вставил Конан, с неподдельным интересом слушающий рассказ шемита.

— Ладно, ты можешь. Так вот, живут они высоко в горах, а как поедят всю траву в округе, так и спускаются вниз. Только к морю зачем? Не пойму... — Иава горестно вздохнул. — Да что лемминги! А куда сам я иду? Тоже не знаю. Болтаюсь по миру двадцать лет... Ни дома, ни сада, ни сына...

Эти слова шемит произнес еле слышно, но Конан, который при первых же нотках печали в голосе приятеля потерял интерес к беседе, переспрашивать не стал. Перед глазами его опять замаячила гнусная физиономия Гринсвельда, и он мгновенно ощутил привычный зуд в груди, сопровождаемый бурчанием в желудке — явные признаки того, что следует поторопиться. Не обращая более никакого внимания на спутника, что скрючился — насколько позволяли его габариты — в темном углу и, подывая, тихонько напевал знаменитую песнь гордого одинокого пирата. Киммериец заглянул в щель между валуном и стенкой пещеры. Падение леммингов продолжалось, но, к великому удовольствию варвара, темп его несомненно замедлился; наверняка солнце не успеет опуститься и на пару локтей, а последние ряды мерзких крыс уже полетят в низину вслед за собратьями. Удовлетворенно хмыкнув, Конан устроился возле щели поудобнее и принялся ждать — что-что, а ждать он умел всегда...

# Глава 7. Хозяева древнего леса

К вечеру спутники оставили позади горы Кофа. Иаву сие обстоятельство весьма ободрило — он громко пел густым хрипловатым голосом легенду об Иштар и наперснице ее Ашгорех и, приплясывая, маршировал рядом с варваром. Поначалу Конан шагал молча, но вскоре и его захватил веселый, не вполне соответствующий содержанию напев. Махнув рукой, он громовым басом дотянул вместе с приятелем последнюю строку, и дальше они орали уже хором, гордо показывая друг другу пальцами назад — там, в горах, разбуженное эхо послушно повторяло за ними слова, раскатисто и немузыкально дребезжа. Так, с песней, дошли путники до огромного, мрачного леса.

Вековые деревья стеной опоясывали свое царство; тяжелые черно-зеленые кроны их шапками нависали над толстенными, в три обхвата стволами. Ни пенья птиц, ни шелеста листвьев не услышали приятели, подойдя вплотную к суровым исполинам. Казалось, ветер не достигает места сего — такую тишину застали здесь люди. Но вместо ветра веяла отсюда иная сила: жуткая, леденящая душу и кровь. Варвар, который терпеть не мог всякие проявления чего-то неземного, сразу учゅял ее и встал перед лесом как перед врагом: ощетинившись, положив руку на эфес верного меча. Иава также почувствовал исходящее из черных глубин лесного царства дыхание. Для него, прошедшего чуть не весь свет вдоль и поперек, оно не явилось неожиданностью — тем рьянее он пустился уговаривать приятеля обойти стороной это чудовище, таящее в себе, может быть, нечто такое, что земным жителям знать и видеть не полагается. Жизнь — одна, в этом шемит не сомневался. В этом же попытался убедить он и молодого киммерийца, но тот стоял молча, не двигаясь и не спуская холодных синих глаз с леса, словно впитывал в себя витающее в воздухе знание о нем, словно уже приготовился к схватке с ним.

Солнце медленно опускалось за размытую полосу горизонта; от приближения сумерек на душе у обоих стало особенно сумрачно. Волнами накатывала безнадежность, объяснимая трудно тем более, что ничего не стоило им вернуться на пару бросков копья назад и найти приют на ночь в какой-нибудь уютной пещере вроде той, в какой прятались они от леммингов. Но варвар был упрям как два связанных вместе осла, ибо ничего не отвечал на горячие призывы Иавы, а оглянувшись вдруг на заходящее око Митры, подмигнул ему, вынул из ножен меч и ступил в лес. Проклиная тот день, когда судьба свела его с этим киммерийским дурнем, шемит пошел за ним.

А там на них пахнуло таким холodom, что Иава сразу заткнулся, в брезгливом ужасе рассматривая могучие корявые стволы, обвитые толстыми, как его рука, выюнами. Собственно, то были не выюны, а те же деревья, только извивающиеся как змеи вокруг прямых родственников. В некоторых местах на серой траве валялись трухлявые останки сгнивших без солнца исполинов, и змеевидные паразиты, которым уже не за что было держаться, тем не менее устояли: образовывая собою хитро переплетенные ширмы, они казались изобретением свихнувшегося божества — лесного или болотного, — протухшего в одиночестве в своих унылых владениях.

Под ногами путников лежал ковер, состоящий из плотно прилегающих — будто приклеенных — друг к другу сухих веток и сухой же серой травы; кое-где проглядывал мох, но и он не имел обычного своего цвета, а был буро-желтый, с пятнами плесени.

Расстояние между деревьями было не более одного-двух конановых шагов, а ветви их

вверху, да и посередине, крепко переплетались, совсем не пропуская солнечных лучей. Воздух тут был затхлый, вонял гнилой древесиной и болотом — хотя вряд ли в лесу имелось болото, и — ни звука. Плотная тишина придавила людей к земле: ноги их быстро отяжелели, в ушах зазвенело, а плечи налились неимоверной тяжестью, словно на них — как на Первосотворенных великим Митрой — сложили весь мир с его бедами и заботами.

Иава мысленно уже попрощался с родным Шемом, куда мечтал попасть вот уже многие годы, с Халаной, чей облик все еще ясно виделся ему во сне, с теми знаниями, кои приобрел он за время скитаний. В голову варвара такие мысли не приходили.

Для него, чей земной путь исчислялся всего-то девятнадцатью годами, древний лес этот был не более чем очередной гадостью Нергала; всей первобытной природой своей ощущая здешний, совершенно особенный, пугающе нечистый дух, он двигался мягкими бесшумными шагами — так дикая кошка, убрав коготки, пробирается в поисках добычи по своей территории. Плавный ход киммерийца заставил и шемита ступить осторожнее. Сухие ветки под ногами трещали при малейшем неловком движении — в царстве тишины звуки эти были подобны разрыву молнии, и варвар, бросая на спутника быстрый сердитый взгляд, замирал, вглядываясь в черноту леса.

Они прошли совсем немного, как вдруг Конан остановился, попятился, нашупывая спиной твердую плоть дерева. Шемит встал рядом. Плечо его оказалось лишь на пять ладоней ниже мощного плеча варвара, в остальном же он мало уступал своему молодому приятелю — могучая, хотя и чуть заплывшая жирком грудь, толстая шея, мускулистые руки — и вдвоем они представляли отнюдь не слабое войско. Вот только с кем собирался бороться насторожившийся Конан, Иава понять пока не мог. Но, полностью доверяя его природному чутью, молчал, ожидая событий терпеливо и без особого волнения. Первая волна страха, накатившая на него при входе в лес, оказалась и последней.

По опыту шемит знал, что нет никакого смысла в боязни чего-либо: дрожа и плача скорее попадешь на Серые Равнины или куда-нибудь в ту же сторону. Слегка подтолкнув варвара плечом, Иава поймал его сумрачный ответный взгляд и состроил смешную рожу, желая хоть немного снять овладевшее парнем напряжение. Конан сплюнул — причем умудрился сделать это так же бесшумно, как и шел, — но потом все-таки ухмыльнулся, оторвался от дерева и медленно двинулся дальше.

Вой, внезапно разорвавший тишину, заставил обоих вновь прильнуть к дереву, но на этот раз Иава уже не ощутил спиной спасительную твердь. Исполин словно отрекался от гостей, пропустив по шершавой коре своей холодную обжигающую дрожь. Отпрянув, шемит дернулся Конана за рукав, и в тот же момент где-то совсем близко раздался дикий крик, оборвавшийся вдруг странным клекотом, который подхватили и другие голоса. Хрипы, стоны, мурлыканье, гул, раздававшиеся со всех сторон, вместе составляли довольно омерзительную, жутковатую песню. Варвар быстро метнулся к поваленному великану, жестом велев Иаве сделать то же самое, и, присев возле раскидистых огромных корней, каждый из которых вполне мог сойти за отдельное деревце, выставил перед собой меч.

Голоса приближались. Теперь в их пении ясно слышались торжествующие нотки. Затаив дыхание, люди всматривались в чащу; теперь тишина, что уползла недовольно куда-то под землю, казалась им приятной и безобидной. Звуки, заполнившие лес, были куда страшнее и несомненно опаснее. Иава покосился на смуглую, гладкую, литое тело варвара, изрисованное белыми полосками старых шрамов, и зажмурился от вдруг возникшей перед глазами картины, услужливо предложенной его живым воображением: растерзанный на

окровавленные куски Конан лежит под деревом, и он, Иава, никак не может собрать его воедино, чтобы закопать в долине. Мысль понеслась дальше, и неизвестно, куда бы привела она шемита, если бы в этот момент из-за могучих стволов не появились исполнители той самой гнусной песни.

«Красавцами их не назовешь», — отметил Иава про себя, морщась от крайне неприятного вида пришельцев. Все они, видимо, когда-то были людьми — руки, ноги, головы, тела — все было в полном порядке, если не считать жутко искривленных пальцев с длинными, загибающимися желтыми когтями, пустых глаз и кроваво-красных губ; верхняя губа каждого, приподнятая двумя выпирающими клыками, придавала их рожам тупое и злобное выражение. Свалившиеся волосы сосульками обрамляли бледные лица, вся одежда истрепалась и повисла на тощих фигурах ключьями, и единственное достоинство этих чудовищ, как опять же отметил шемит, было в их численности. Два с лишним десятка нетерпеливо перебирали худосочными ножками прямо перед ними, а сколько еще ждали своей очереди в чаще — судя по звукам, доносящимся со всех сторон, не меньше полсотни.

— Лесные вампиры, — шепнул Конану шемит, вытягивая нож. Другой рукой он начал лихорадочно шарить в сумке, отыскивая купленное давным-давно у одного кхитайского колдунишки средство: по словам того, только запах этой мази достаточно, чтобы вампиры с позором бежали прочь. Надо сказать, что Иаве пришлось как-то раз испробовать действие кхитайского снадобья, и не где-нибудь, а на западе Аргоса — именно там, в непролазных чащах, и обитают, как известно, лесные вампиры, жуткие соседи аргосских крестьян; когда-то они нанесли страшный урон войску, идущему в поход на Зингару, перекусав чуть не половину солдат.

Знай бродяга, что монстры частично переселились на восток, в этот сумрачный лес, он ни за что не позволил бы варвару сюда войти. А впрочем, у него было средство, от которого так быстро бежали и так громко выли западные вампиры... Но где же оно? Лоб шемита мгновенно взмок, когда, в очередной раз ощупав все предметы в сумке, он понял, что круглой железной коробочки, где хранилась мазь, нет. Сейчас не время было думать, где она могла потеряться. Изможденные твари, оскалившиесь, подвывали и подходили все ближе, ближе... Они жаждали крови. И они знали, что напьются ее здесь же, теперь же...

\* \* \*

Гринсвельд ликовал. Уставившись в грязные разводы оконного стекла, он боялся моргнуть, чтобы не пропустить и мгновения столь восхитительного зрелища. Как видно, отец- демон все же не оставил его — откуда иначе на востоке Аргоса, где сплошные безлюдные, безводные, высушенные солнцем и временем земли, появились вампиры? Горилла точно знал, что сии прелестные существа обитают исключительно на западе страны, в лесах, которые тянутся вдоль Хорота, и никогда, никогда прежде не мигрировали. И вдруг добрая сотня лесных вампиров переселилась на восток... А может, идея эта принадлежала Густмарху? О, молчаливый, мудрый Гу... Неужели он соизволил помочь своему презренному рабу?

Гринсвельд умел быть благодарным. Он решил дождаться гибели двух недоумков, а потом поймать для Густмарха парочку жирных чаек — не раз он наблюдал в мертвых глазах своего божества живое пламя наслаждения, когда из разорванных тушек на его каменную

ослиную голову лилась горячая кровь... Гориллу даже передернуло от приятного воспоминания. Он готов был истребить всех птиц на Желтом острове, только бы вновь из глаз Гу выплеснулось на него знакомое чувство; ток его порой снился Гринсвельду, и тогда он пробуждался весь, до кончика носа мокрый от вонючего пота, но радостно возбужденный, и потом весь день ему мерещились эти жуткие глаза и кровь, кровь и глаза...

Обильные слюни капали на цветастый, толстой мягкой ткани халат хозяина Желтой башни, оставляя на нем поверх старых новые темные пятна; не отрываясь от окна, он вытер рот тыльной стороной ладони, громко засопел — схватка с вампирами была в самом разгаре и, кажется, его враги вот-вот будут разорваны на куски... Зрачки Гориллы подернулись мутной пленкой: он словно чувствовал запах крови, ее вкус... Вот шемит упал под тяжестью десятка лесных красавчиков, а вот в рычащем, визжащем, вопящем клубке мелькнула черная грива киммерийца...

Задыхаясь от нетерпения Гринсвельд сжал подлокотники кресла и подался вперед, впиваясь горящим взором в зеркальное отображение. Сейчас, сейчас все будет кончено... И когда спустя миг раздался победный вопль монстров, Горилла вскрикнул, в экстазе выдрал у себя клок волос и, не выдержав напряжения, упал на пол. Разум покинул его.

\* \* \*

— Ну, отродье Нергала, посмотрим, что за дрянь течет в ваших жилах! Клянусь Кромом, что-то вроде мочи! — Выставив меч перед собой, Конан медленно подходил к молчаливому строю вампиров, что уставились на него голодными глазами. Отвлекая их руганью, он надеялся прорубить себе и шемиту коридор, по которому можно будет сбежать из этого поганого леса. А в том, что только так и можно спастись, варвар не сомневался.

— Что застыли, ублюдки? Хотите попробовать киммерийской крови? Ха!

Не успел Конан договорить, как строй монстров дрогнул; видимо, зря он произнес слово «кровь» — будто очнувшись, вампиры выдохнули, вновь затянули — сначала еле слышно, а потом все увереннее, громче — свою жуткую песню и начали окружать приятелей, совсем не обращая внимания на грозное оружие варвара. Носы их не учяли опасности: люди пахли людьми и ничем более, а потому и бояться их было нечего.

Конан не двинул с места. Спиной он уже ощутил крепкую спину Иавы, и теперь был готов к своему последнему бою, наперед зная его исход и жалея о том лишь, что жизнь уйдет из него по капле не в землю, но в глотки грязных тварей. А что случится потом... Но об этом лучше не думать. Он и не думал. Мозг его привычно заработал в поисках возможных путей спасения; бросив быстрый взгляд в стороны и наверх, варвар злобно ухмыльнулся: они находились в настоящей ловушке. Закрытые даже сверху, они не смогут уйти отсюда... Никогда...

Круг вампиров сжался. Самые нетерпеливые приплясывали, протягивали высохшие руки к людям. Конан метко плонул в морду ближайшего, заставив его отшатнуться и в ужасе скрочиться, а затем сделал неуловимое движение и — с глухим стуком на землю упала рука со скрюченными пальцами, срезанная его мечом.

Монстры завопили. В рядах их начался разброд, ибо задние не могли понять, что произошло, и стали яростно расталкивать соседей, боясь лишиться своего глотка свежей крови. Заверещал пронзительно престарелый монстр с трясущейся как лист головой и

белыми жидкими прядями длинных волос; истерично зарыдал оплеванный, решивший, по всей видимости, что Конан его отравил; тот, у которого киммериец отнял правую кисть, мгновенье стоял, обиженно скуля, но вдруг подпрыгнул, и кинулся на человека, норовя вцепиться ему в шею клыками. Не успел он коснуться обрубком своим конанова плеча, как тут же рухнул наземь, разрубленный пополам как сухое полено дровосеком.

Не дожидаясь, пока на него бросятся с стальными, варвар снова поднял меч и — престарелый ублюдок упал рядом с первым.

Ярость клокотала в груди киммерийца; одна мысль — лишь одна — билась в его мозгу, подогревая гнев: чужая клятва. Он не сможет ее исполнить. Сознание того, что он, Конан, оказался несостоятелен, ранило его больнее всего. Только день он прошел за Мангельду, и тут же попал в поганые лапы грязных тварей... Даже она, маленькая хрупкая девочка, сумела одолеть гораздо большее расстояние...

Конан рубил наотмашь, не останавливаясь и на краткую долю мига. Меч его тонко свистел, с невероятной силой опускаясь на головы нергаловых гадин. За спиной его шла не менее жестокая битва. Иава с одним кинжалом положил уже около дюжины вампиров, отпинывая легкие бескровные останки и ловко уворачиваясь от клыков и когтей.

И все же спустя некоторое время киммериец почувствовал, что начинает выдыхаться. Монстров, казалось, меньше не становилось.

Некогда было смотреть, оживают ли уже разрубленные — Конан подозревал, что да, — следовало попытаться все же сдвинуться с одного места и прорубить коридор. Другого плана остаться в живых варвар так и не придумал. Меч его летал все с той же скоростью, кроша тварей, но размеренное поначалу дыхание сбилось, да и ран поприбавилось: кожа лохмотьями свисала с рук обоих приятелей, и кровь, струившаяся из глубоких царапин, опьяняла вампиров, заставляя их лезть под меч и кинжал без страха. Коготь монстра достал наконец и лица Конана, прочертив на лбу его ярко-красную полосу, так что теперь он почти ничего не видел: кровь заливала глаза, попадала в рот, и вампиры, завистливо визжа, с утроенной энергией кидались на него. Одни, коснувшись ран людей, отбегали все-таки в сторону и там, склонясь под деревом, жадно слизывали алую влагу; другие, опасаясь меча, искали новые пути к победе — подныривали под ноги спутникам, хватали с земли ветки и тыкали им в лица, заползали с боков...

И вот наконец стало ясно, что бой подходит к своему печальному финалу. Застрял в толстой ветке, крепко зажатой обеими руками вампира, верный меч киммерийца, и в тот же момент с дерева подобно обезьянам прыгнула на его голову горсть тварей. Иава, оставшись без опоры, оглянулся — в этом состояла его тактическая ошибка: в один только миг на него кинулись оставшиеся на ногах монстры, повалили наземь, начали рвать клыками...

— Асвельн... — прохрипел Иава, теряя сознание. — Конан, позови Асвельна!

... Словно северный ветер нашел вдруг дорогу в этот лес, подняв с земли ворохи сухих листьев. Словно лучи огненного ока Митры нашли вдруг к вечеру дорогу в этот лес, подпалив мох и ветви. Словно мир задрожал под тяжестью деревьев-исполинов, и лопнула земная кора, обнажив черное пустое нутро свое... Не успев напиться крови — успев лишь начать — монстры словно пиявки стали отваливаться от своих жертв, на глазах друг друга высыхая, крошась и исчезая бесследно. А сверху, просачиваясь сквозь плотные переплетения ветвей, на них медленно, медленно опускалось огромное ярко-белое облако; его дыхание обжигало; тело его обволакивало стволы-великаны, растекалось по канавкам в бурой коре...

Гринсвельд, в своей Желтой башне валяясь на полу без чувств, уже не слышал, как

победный вопль вампиров сменился диким визгом ужаса.

## Глава 8. Алисто-Мано

— Откуда ты знаешь про Асвельна? — мрачно вопросил Конан, засовывая меч обратно в ножны.

— Какого Асвельна? — очень натурально удивился шемит. — Сайгада? Или хозяина постоянного двора?

— Ты! — Варвар подлетел к приятелю, рывком притянул его за ворот к себе. — Клянусь бородой Крома, шемитская рвань... Если под твоей плещью таится какое-то зло, я удавлю тебя! Ты понял?

— Я понял, Конан, — спокойно ответствовал Иава, легко отцепляя железные пальцы киммерийца от воротника своей куртки. — Но и ты пойми: если человек не отвечает на вопрос, значит, ответа нет. Или...

— Ответа нет? — сощурился варвар, чувствуя, как утихший было гнев вновь начинает закипать в его груди. — А я тебе вот что скажу...

— Или время для ответа еще не пришло, — закончил Иава, не обращая внимания на зло сверкающие синие глаза киммерийца.

Конан угрюмо смотрел, как спутник его аккуратно вытирает ничем не замутненное лезвие кинжала о посвежевший почему-то мох; как он роется в своей сумке, недоуменно пожимая плечами и ворча на старом шемитском; как делит пополам с глубоким вздохом последний ломоть хлеба... Да, не просто так Иава навязался в провожатые, не просто так. Для обычного человека он слишком осведомлен. Может быть, он каким-то образом сумел подслушать его разговор с Мангельдой? Нет, это маловероятно. Как бы ни был Конан увлечен рассказом девочки, он непременно почувствовал бы чье-то приближение... А тот сквозняк... Иава? Или Гринсвельд?

Укладываясь под деревом подальше от спутника, киммериец не переставал думать обо всем произошедшем с ним, с Мангельдой, со всеми антархами... Он окончательно запутался. Теперь ему стало казаться, что шемит — посланник Гринсвельда. Правда, все события красноречиво свидетельствовали об обратном, но чего только не бывает на свете, и если доверять каждому, кто прошелся с тобой по горам один только день, неминуемо лишишься головы.

И на рассвете, обуреваемый этими и подобными мыслями, Конан шагал за громоздкой фигурой спутника, решив про себя не выпускать его теперь из виду ни на вздох. Вот древний лес, очищенный — ими или Асвельном? — от вампиров, остался далеко позади, а вот простились перед ними высущенные солнцем равнины, на коих одиноко произрастали несколько чахлых кустиков с бурыми, тронутыми тлей листьями и тонкими корнями, что стелились по поверхности земли.

Небо — пронзительно синее, отливавшее к горизонту фиолетовыми и розовыми оттенками — обещало ясный день. Вдалеке белели густые рыхлые облака — веющие сны Митры, парящие в небесах. Скоро, совсем скоро светло-желтый шар, поднимающийся над миром, согреет все вокруг своим добрым мягким теплом, и тогда идти станет веселее, и все странное покажется простым, как это всегда бывает поутру.

Но с наступлением нового дня подозрения Конана не рассеялись — напротив, одолели его, заполонили мозг. Там, в древнем лесу, ему снился Асвельн — огромная белая фигура, сплошь состоящая из облака, без лица, без волос, без пальцев. Асвельн ничего не сказал.

Только указал на храпящего шемита и качнул головой. Что это могло означать — варвар не уразумел. Никогда он не понимал намеков, не понял их и сейчас, но благоразумно решил держаться от Иавы подальше, не гнать прочь, но и в планы свои не посвящать... Хотя, какие там планы... Протопать неблизкий путь до моря Запада, взять лодку, доплыть до Желтого острова... А может, шемит знает и о маттенсаи? При этой мысли Конана бросило в холодный пот. Он уже начал подумывать о том, чтобы потихоньку улизнуть от навязчивого спутника, как тот обернулся, встал, поджидая варвара.

— Конан, здесь нам нужно сделать небольшой крюк.

— С чего это? — недовольно проворчал киммериец, не глядя в глаза приятеля.

— Если ты не желаешь снова попасть в переделку — послушай меня. Иначе нам будет очень непросто добраться до моря Запада.

— Почему я должен обходить сухую и безлюдную равнину и ползти по болоту? Кром, я не хочу терять время зря. Я пойду прямо. А что будешь делать ты — не моя забота. Можем попрощаться здесь.

Иава молча смотрел на Конана, чей гнев ему вполне был понятен, и с грустью осознавал, что уговорить его сделать крюк — невозможно. И хотя шемит был вдвое старше парня, а следовательно, и опыта имел поболее, преодолеть чисто варварское упрямство и ему оказалось не под силу: сие выяснилось еще при подходе к древнему лесу.

— Конан, постой.

— Что тебе надо? — Киммериец обернулся, угрожающе положив руку на эфес меча.

— Мне надо, чтобы ты пошел со мной. Лучше ползти по болоту, чем попасть в Алисто-Мано. Ты слышал о таком?

— По-аргосски это что-то вроде «сердитого суслика», — мрачно проворчал варвар.

— Вроде... А точнее — «злое сельцо». Я побывал как-то в гостях у этих ублюдков... Живут они богато, хотя и ничего не делают. У них даже ребенок поленится поднять оброненную куклу. Грабят дальние деревни, угнают скот и продают его в Шем... Но самое гнусное то, что они берут пленных. Заставляют их работать от зари и до зари, а потом, когда человек уже еле дышит, сжирают под дикарские пляски...

— Откуда ты знаешь?

— Я сам пробыл у них без малого две луны, — неохотно пояснил Иава.

— И почему же тебя не сожрали?

— Не успели.

— Если ты ушел от них, то я и подавно уйду, — самодовольно заметил Конан, разворачиваясь.

— О, упрямый варвар... Мне помог случай!

— А мне помогут мои руки и мой меч!

Раздраженно плюясь, шемит последовал за Конаном. А тот, загребая сандалиями пыль, быстро шагал на юго-запад, и черная грива его, покрывавшая могучие плечи, колыхалась под порывами теплого ветра. Он не оглядывался, явно потеряв всякий интерес к попутчику; голод и жажда гнали его прямиком к Алисто-Мано, где наверняка можно было раздобыть и еды и воды. Все, поведанное шемитом, мало волновало Конана. Он не хвастал: меч и руки, да еще природой подаренная смекалка не раз выручали его из всякого рода бед и опасностей. Не чужда ему была и осторожность, но только не в тех случаях, когда требовалось достичь определенной цели — к цели варвар шел чаще всего напролом, ибо настоящим хитрецом величать себя не мог. Хитрость — наука купцов и воров, а Конан, хотя и обучался воровскому

ремеслу, все таки не считал сие достойным для себя занятием. Деньги, слава и женщины — обладать всем этим он стремился, как и любой другой в меру тщеславный юноша, но лгать и притворяться пока ему приходилось лишь при крайней необходимости, и это его вполне устраивало. Воин — истинный воин — должен уметь все, и если обстоятельства не позволяют применить руки и меч, надо действовать иными способами, могущими принести удачу или победу. Но все же лучше — Конан искренне был в этом убежден — руки и меч. А потому, полностью уверенный в своих выводах, он спешил к «злому сельцу», в мыслях предвкушая уже отличный обед, за который готов был даже заплатить.

Наконец равнина резко пошла вверх, и там, на возвышении, варвар увидел ровный, словно солдатский, строй крошечных аккуратных домишек. Довольная ухмылка пробежала по его губам, а желудок моментально отозвался протяжным урчанием. Вслед за ним, переходя с рыси на иноходь, а с иноходи на галоп, поспешал Иава. С ног до головы покрытый серой пылью, в отличие от Конана не спавший всю ночь, он тоже хотел есть и еще более хотел пить, но его многолетний опыт бродяжничества подсказывал, что если голод можно рано или поздно утолить, то отнятую жизнь вернуть обратно нельзя; благоразумие, которое, как полагал Иава, тоже имеет пределы, в их с Конаном путешествии просто необходимо.

— Конан! — крикнул он, видя, что варвар уже начал забираться на холм.

— Ну, — с неудовольствием обернулся тот.

— Скажи, если лев рвет зубами козленка, а ты проходишь мимо и безумно голоден...

— Отниму козленка, — буркнул киммериец, не дожидаясь вопроса, и полез дальше.

— О, божественная Иштар... — прошептал шемит. — Лучше отправиться в путь с гиеной на спине и змеей в кармане, чем с неким юным варваром. Пусть меня разорвет Золотой Павлин Сабатеи, если я еще раз пойду за этим парнем...

А пока, карабкаясь на холм следом за киммерийцем, Иава заранее холодел от ужаса, живо представляя себе железные цепи, коих у обитателей Алисто-Мано всегда было вдоволь для гостей любого роста, пола и возраста — до сих пор на широких лодыжках шемита сохранились следы ржавых тяжелых оков, до сих пор в ушах его звенел унылый голос надсмотрщика, волочащего за собой длинную толстую плеть. Он вдруг вспомнил костер, вокруг которого, размалеванные словно туземцы, скакали необычно оживленные ублюдки, а в самой середине костра — женщина, привязанная к врытому в землю столбу. Ее дикие вопли, корчи, предсмертный хрип... Вздрогнув от вставшей перед глазами картины, Иава чуть было не скатился обратно к подножию холма. Но, с трудом удержавшись на ногах, сразу ринулся вперед с удвоенной скоростью, увидев, что киммериец уже входит в гостеприимно распахнутые перед ним деревянные воротца.

\* \* \*

— Что страшного нашел ты, разноглазый, в этих недоносках? Неужели похожи они на львов, раздирающих козлят? — Варвар захочтал, ковыряя в зубах кончиком кинжала, приобретенного им у сайгада. — Разве что жилистые, а так... Тьфу, кожа да кости... Я с десятком таких справлюсь, не успеешь ты выпить и кружку пива. Хей, Иава, не криви рожу. Переношуем здесь, а утром — двинем дальше. Ты опять потащишься со мной? Не пойму, зачем...

Так разглагольствовал разомлевший от обильной еды и чуть подобревший варвар,

величественно принимая все новые и новые кушанья, подносимые ему с подобающим почтением худосочными хозяевами. Он осушил уже без малого четыре чаши прекрасного белого вина, один съел жирного поросенка и полную миску лапши, и теперь, вяло подхватывая с блюд куски и отправляя их в рот, готов был либо ко сну, либо к веселью — в зависимости от обстоятельств. Но веселиться с шемитом он, помня все случившееся, не желал, а бледные тоскливыми физиономии здешних жителей никак не подходили для дружеской пирушки, так что Конан склонялся все же к тому, чтобы кликнуть кого-нибудь порасторопнее, потребовать себе комнату и кровать и забыться сном до самого утра.

Иава, бросая на варвара удрученные взгляды, тем не менее проворно уплетал и ливерный паштет, и свежеиспеченные булочки, и кролика в вине, и фрукты — все яства с исключительной быстротой попадали не только в его желудок, но и в сумку, что покоилась на его коленях. При этом шемит старался не обращать внимания на довольно бес tactные покашливания хозяев, застывших вокруг стола в полупоклоне. В конце концов — он знал точно — не их трудом пойман кролик, зажарен поросенок и сварена лапша. В Алисто-Мано все работы выполнялись рабами, а рабство Иава не признавал ни в каком виде, потому и содеянное теперь полагал не воровством, а местью жестоким и хитрым эксплуататорам.

Решив таким образом проблему пропитания в дальнейшем путешествии, следовало подумать, как бы сие путешествие продолжить. Шемит был уверен, что так просто их отсюда не выпустят. Жаль, что Конана, судя по всему, подобные мысли не посещали. «И куда только подевалось его первобытное чутье?» — с раздражением говорил себе Иава, глядя на варвара, который уже откровенно зевал во весь рот, лениво перебирая пальцами крупные, налитые соком виноградины на огромной грозди.

— Конан, — не выдержал наконец Иава. — Надо идти. Слышишь?

Киммериец благодушно молчал. Он, который, в отличие от хозяев, всецело одобрял поступок спутника — а почему бы и не взять то, что все равно приготовлено для них? — ни о чем более думать не желал. Спать. Только спать. Голова была пуста так, как может быть пусто высохшее озеро; веки отяжелели, а губы не могли шевельнуться даже для того, чтобы произнести одно лишь слово: «Спать». Словно в тумане видел Конан бледные тощие морды, разноцветное пятно стола, волосатые ручищи шемита слева... Кажется, тот что-то пытался ему сказать?

Иава в ужасе наблюдал за тем, как смягчаются грубые черты киммерийца, как соловеют и светлеют его синие глаза, а нижняя тяжелая челюсть отвисает как у полуумного. От бессилия у шемита даже свело мышцы плеч. Он понял, в чем заключалась хитрость хозяев: сначала опоить незваных гостей, а потом и пленить. Окинув быстрым взором все, что стояло на столе, Иава решил, что отрава, по всей видимости, находилась в белом вине, кое Конан употребил так решительно и в большом количестве. Сам он — то ли по наитию, то ли от расстройства — вина не пил, довольствуясь чистой родниковой водой, и потому сейчас чувствовал себя превосходно. Что же за снадобье бросили они в чашу варвару? И каково его действие?

С лихорадочной быстротой перебирая в уме возможные способы отступления, шемит в отчаянии понимал, что если и сумеет уйти отсюда живым, то бесчувственного Конана утащить с собой ему безусловно не удастся. И не только потому, что тот весил не меньше взрослого быка, а еще и потому, что уходить наверняка придется с боем, и тут уже Иава на силы свои не рассчитывал. Скорее всего, участь его — погибнуть бесславно в этой дермовой деревушке, ибо единственная здравая мысль — оставить варвара здесь, а самому

сбежать — в голову шемиту не пришла.

Глядя, как четверо крепких мужчин бережно оттаскивают массивное тело киммерийца наверх, он тоскливо думал о маленькой храброй девчушке, погибшей в горах Кофа, о далекой стране Ландхаагген, что так и не дождется спасения, о вечно зеленой ветви маттенсаи... Зря он не признался Конану сразу — ведь все варвары так недоверчивы!

Когда по лестнице скатилась рваная сандалия Конана, шемит спохватился. Он встал и, демонстративно вытащив из ножен свой кинжал, протер лезвие его полой куртки; затем решительным шагом обошел застывших, кажется, навеки в полупоклоне молчаливых хозяев, и двинулся по той же лестнице наверх. В коротком темном коридоре Иава обнаружил только две двери. Одна оказалась заперта, зато вторая распахнута гостеприимно. Ожидая увидеть за нею спутника, шемит вошел внутрь. В тот же миг сверху на него обрушилось что-то тяжелое и твердое; яркий красный свет вспыхнул и сразу погас. Иава глубоко вздохнул и медленно осел на пол.

\* \* \*

Гринсвельд, едва не лопнувший от злости при виде спокойно покинувших древний лес путников, снова торжествовал. Дурень варвар не послушал умного совета своего приятеля и полез в Алисто-Мано как безмозглая рыба в сети рыбака! Не иначе сам Густмарх посодействовал Горилле: задурил мальчишке голову, заставил забыть о главном... Теперь варвар валяется на дощатом полу без признака сознания, хранил во всю глотку и не чувствует железа на ногах и руках своих. Жаль, никак нельзя увидеть шемита — в комнате его нет, и где он — неизвестно. Несомненно лишь одно: и его постигла та же участь, хотя он много сообразительнее и осторожнее киммерийского пса. Насколько знал Гринсвельд, из Алисто-Мано выбраться весьма непросто, весьма... Тамошние ублюдки хитрые бестии: увидели двух забредших к ним здоровяков и — мигом сменили тактику. Изобразили гостеприимных хозяев, накормили, напоили... То есть опоили... На всякий случай Горилла решил отблагодарить Гу новым жертвоприношением. Но — не сейчас, потом. Когда проснется варвар и увидит...

\* \* \*

В маленькое, треснутое посередине оконце уже пробивались солнечные лучи. Пропущенные сквозь призму грязного стекла они теряли свой первородный живой цвет и свет; серая пыль клубилась в них; вяло скользя по лицу человека они не пробуждали, а лишь навевали томительные сны, отчего еще труднее было разомкнуть отяжелевшие веки. Но время жизни уже настало — сон, как и полагается, отступил, но не вспорхнул легко в далекую высь, а, с трудом оторвавшись от плененного им тела, поднялся медленно, тяжело, как объевшийся орел, не чающий уже долететь до вершины горы, до своего гнезда.

Но прежде, чем явились Конану более-менее ясные мысли, инстинкт уже подсказывал нечто неладное. Не шевелясь, лежал киммериец, спиной ощущая жесткие доски пола и стараясь припомнить, как он оказался здесь. С улицы раздавались чьи-то злобные крики, ругательства, а в доме было на удивление тихо, так что и подозрения варвара начали

понемногу улетучиваться. И все же, когда дверь едва слышно скрипнула, приотворяясь, он в один миг оказался на ногах, готовый как к самому бою, так и к любому его исходу.

— Тс-с... — Иава проскользнул в комнату, осторожно затворил за собой дверь. — Надо уходить отсюда, Конан, и поскорей.

Громкий шепот шемита, его вытаращенные разноцветные глаза, к тому же налитые кровью, в другое время и в другом месте наверняка заставили бы варвара расхототаться, но сейчас ему было не до смеха. С яростью и удивлением рассматривая на руках и ногах своих толстые цепи, он, как ни казалось ему самому сие странным, испытывал что-то похожее на стыд. Во всяком случае, когда он поднял голову, выяснилось, что смотреть в глаза шемиту ему было не слишком-то просто. Но Иава то ли не замечал этого, то ли делал вид, что не замечает. Подойдя ближе, он тронул Конана за плечо и повторил:

— Надо уходить отсюда. Ты сможешь порвать цепь?

Киммериец покачал головой. Нет, такую цепь он разорвать не сможет. Хотя бы потому, что она слишком коротка — оба кулака его никак не поместятся меж скованных ног.

— Ах ты... — досадливо пробормотал Иава, разглядывая оковы. — Чтоб их к богу Шакалу всех... Ублюдки... Хорошо я догадался надеть на башку ведро — а то валялся бы теперь...

— Почему на тебя не нацепили этих украшений? — угрюмо поинтересовался варвар, не глядя на приятеля.

— Говорю же — они треснули меня чем-то... Молотом, наверно. И думали, что я готов... А треснули-то по ведру! Я еще тряпку под него подложил, чтоб не очень зазвенело в случае чего... Ну, да не время сейчас об этом. Давай-ка выбираться.

— Как?

От злости у Конана свело скулы. Он с силой дернул руками, но лишь натянул до отказа цепи да содрал ими кожу на запястьях.

— Погоди...

Шемит сунул нос в свою сумку и долго рылся там, охая, кряхтя и ругаясь все тем же громким шепотом. Конан, в нетерпении наблюдавший за процессом поиска, недоверчиво хмыкнул, увидев извлеченную из недр сумки железную плоскую палочку с шершавыми боками. Вряд ли невзрачный предмет этот обладал какими-то чудесными свойствами, хотя, судя по последним событиям, шемит всегда знал, что делал. Смирившись, Конан отказался от комментариев и уселся на пол, а Иава, встав перед ним на колени, начал пилить своей железкой широкое кольцо на его ноге. Тошного недоноска, вдруг вошедшего с надменным видом в комнату, картина сия повергла в состояние близкое к обмороку. Судорожно икая и не сводя глаз с могучей фигуры варвара он попятился к дверям; рот его при этом был открыт так широко, как только позволяла крошечная нижняя челюсть, а руки сновали по оборкам рваной туники, словно искали на ней некое кусачее насекомое и никак не могли найти.

Иава обернулся на звук шагов, но особого интереса не проявил. Пожав плечами, он вновь склонился над цепью и продолжил свою работу. Конан же, сплюнув на дощатый пол со всем возможным презрением, ловко метнул нож с коротким обоюдоострым лезвием, который и пригвоздил недоноска за край туники к стене. Более парень неудобства не доставлял, кроме, разве что, тихого поскрипивания и дерганья ногой, но на это варвар решил не обращать внимания.

И все же, когда шемит допилил наконец кольцо на конановой ноге, в комнату пожаловали новые, еще менее приятные гости, и они, как было ясно с первого же взгляда,

как раз имели намерение причинить путникам столько беспокойства, на сколько были способны. Они влетели все вместе, и каждый сжимал в руке рукоять стигийского кинжала — смертоносного оружия, неведомо как оказавшегося здесь. «Не иначе, — подумал шемит, — их снабжает какая-то тварь. Не могут же быть у всех одинаковые клинки...» Но мысль эта лишь мелькнула в его голове, ибо всего миг спустя после появления рабовладельцев Иава уже стоял со своим верным кинжалом наизготовку, с удовлетворением и даже удовольствием ощущая плечо варвара рядом со своим плечом. Молча, без единого звука, ринулись друг на друга люди. Одни бились за обладание чужой жизнью, за возможность распоряжаться чужими временем и силами. Они никогда не задумывались над тем, праведны их поступки или нет — и не потому, что были глупы. Просто само устройство их души не предполагало каких бы то ни было раздумий. Они как звери жили одними инстинктами, но, в отличие от зверей, не обладали и долей возможного благородства, и о чести имели весьма смутные представления, считая ее нелепой выдумкой бродячего комедианта.

Другие боролись за свою жизнь и свою свободу. Но обе стороны дрались с такой яростью, какая, обладай чувства физической основой, несомненно в одно лишь мгновение уничтожила бы в этой комнате всех.

Первая четверка оказалась разбита варварам и Иавой достаточно быстро. Пожалуй, за это время Конан едва успел бы выпить кружку пива. Но и вздоха не прошло, как новая партия рабовладельцев ворвалась в комнату. Этих было больше, и экипированы они оказались получше: чешуйчатые кольчуги, морионы — шлемы с полями в виде перевернутых полумесяцев, длинные мечи и все те же стигийские кинжалы. По сравнению с ними Конан со скованными руками, голый до пояса и босой, представлял бы довольно жалкое зрелище, если бы на обнаженном торсе его не играли и переливались первозданной силой тугие мускулы, если бы на устах его не блуждала опасная полуулыбка, а в синих глазах не сверкал неукротимый огонь гнева и... радости битвы. Да, молодому киммерийцу по душе был хороший бой, пусть даже в таких неуютных условиях и с такими гнусными противниками. Он был прав, и знал это. А за правду, да еще свою собственную, бороться необходимо — и кому же еще за нее бороться?

Варвар не задумываясь кинулся на ближайшего и смел его одной только массой; затем он ступней придавил ему горло и, только изо рта врага хлынула кровь, снова отскочил, готовый сразиться со следующим. За то же время Иава, сделав обманное движение, поднырнул под руку здоровому, хотя тоже весьма бледному мужчине его лет, и воткнул под кадык клинок по самую рукоятку. Ахнув, тот качнулся и начал валиться, увлекая за собой обезумевшего от страха соратника. Воспользовавшись этим, соратника шемит отправил следом.

Конан носился по комнатушке, сбивая врагов с ног, ловко уворачиваясь от их сильных, но неуклюжих ударов, и сам разил, метя в незащищенные места, так что вскоре и этот бой закончился в пользу спутников.

Оттащив трупы к стене, они постояли немного по обе стороны двери — не нагрянут ли новые гости? — и, никого не дождавшись, уселись на пол. С видом фокусника Иава достал из сумки ломоть хлеба и отличный кусок кролика, разделил все это на две части и большую отдал Конану. Тот сразу запихал в рот свою долю целиком и с энтузиазмом молодости проглотил, почти не жуя. Шемит, мучимый более жаждой, чем голodom, ел неохотно — за тем лишь, чтобы подкрепиться перед дорогой. Печаль снизошла вдруг к его сердцу откуда-то из-за облаков. Глубоко вздохнув, он попытался затянуть благодарственную оэду Птеору, но,

увидев, как сморщился киммериец, оборвал пение; вместо этого он сказал, обращаясь к мертвцам:

— Что, парни, пожалели теперь, что накормили нас?

И словно в ответ в маленькое оконце влетело — как показалось сначала варвару — само солнце, только сильно уменьшенное в размерах. Пылающий шар приземлился точно между Конаном и Иавой, и несколько мгновений путешественники в изумлении смотрели, как разгорается пламя, прожигая дыру в полу и чуть не задевая их штаны. При ближайшем рассмотрении киммериец понял, что злобные рабовладельцы (видимо, отчаявшись захватить пленников силой) швырнули им тряпичный мяч, облитый какой-то хорошо горящей дрянью; треща, огонь быстро побежал по доскам; еще немного — и вся комната должна была превратиться в один большой костер.

Конан толкнул шемита к двери, подхватил с пола его сумку и свой мешок и выскочил следом.

Толпа встретила их во дворе восторженным воем. Сколько там было народа, и имелись ли воины — спутники рассматривать не стали. Не замедляя бега, они проскочили сквозь толпу, сшибая тех, кто загораживал дорогу, и ринулись прочь. Восторженный вой тут же сменился разочарованным воплем; вслед им полетели камни, но настоящей погони, кажется, не было. Тем не менее они, словно сговорившись, неслись вперед, через все Алисто-Мано, провожаемые гневными криками, визгами и проклятьями. Кое-где Конан заметил — в подтверждение рассказа Иавы — изможденных людей в цепях, безучастно глядевших на беглецов, и врытые в землю обугленные столбы... Только на миг в глазах киммерийца мелькнула жуткая картина: он сам, привязанный к такому же столбу и превратившийся в пылающий факел. Передернувшись, Конан еще раз обругал себя за то, что не послушал мудрого совета спутника, и, дав себе слово на обратном пути разобраться с ублюдками из Алисто-Мано, увеличил скорость, догоняя шемита, который бежал вразвалку, но очень быстро, выставив перед собой тугое ядро живота.

Без устали работая ногами спутники вскоре достигли края холма. Кубарем скатившись вниз, они вскочили и снова бросились бежать, хотя за ними никто и не гнался. Но теперь их влекло вперед уже не желание поскорее убраться из этих поганых мест, а чувство потерянного зря времени. «Ландхаагген... — стучало в голове варвара и ветер свистел в ушах, — маттенссаи... с-са-а-и-и... и-и...» И он, испытывая странную смесь отчаяния и радости — радости от стремительного бега, — летел по равнине, и если б мог, долетел бы так до самого моря Запада... И только когда Иава, выдохшись, упал на сухую землю, Конан остановился.

# Глава 9. К морю Запада

За два дня пути приятели подъели все запасы, и теперь питались лишь сладкими кореньями, которые Иава ловко выискивал в земле по каким-то только ему известным признакам. С питьем дела обстояли много лучше: путешественники шли вдоль ручья, так что в чистой воде недостатка не было.

Далеко позади осталось и злое сельцом Алисто-Мано, а еще дальше — древний лес вампиров. Образ Мангельды почти стерся в памяти варвара, и только ту самую боль в ее глазах помнил он очень хорошо: сердцем ли, кожей ли, но, просыпаясь порой перед первыми лучами огненного ока Митры, он чувствовал, как царапает в груди его тонкими острыми коготками тоска, и тогда он ворочался, вздыхал, и давил могучей дланью своей грудь; девятнадцатилетний ум его не мог пока постичь источника сих страданий, но инстинктивно он находил выход, начиная думать о реальном и необходимом — о дороге к морю Запада, о лодке, на кой поплынут они с Иавой до Желтого острова, о Грине-вельде и вечно зеленою ветви маттенсаи, без которой погибнет далекая страна Ландхаагген...

Под палящим солнцем и без того смуглая кожа путников разве что не обуглилась: Конан теперь был красивого бронзового цвета и напоминал ожившую статую воина у городских ворот Кордавы, а шемит — красного, и напоминал, увы, всего лишь освежеванную бычью тушу. Плешь его, вокруг которой кучерявился черный с проседью венчик из жестких волос, блестела подобно лесному озеру под светом солнца; крючковатый нос, от природы тоскливо свисавший к верхней губе, каким-то образом умудрялся бодро задираться к небу, а большие, навыкате разноцветные глаза блестели знакомым и почему-то действующим на варвара успокаивающе насмешливым блеском.

К вечеру в этих краях обычно начинал дуть сильный ветер, и он доносил до путников чистый, пленительно свежий запах моря. Но все же до самого моря оставалось еще не менее полутора дней пути. На сухой, выжженной солнцем равнине все чаще появлялись зеленые кусты и островки травы, и чем дальше углублялись путешественники в сей приморский край, тем зеленее и плодороднее становилась земля. Вскоре Иава уже питал приятеля плодами диковинных дерев и желтыми сочными ягодами, по вкусу напоминавшими морошку.

Когда далеко впереди показалась сине-зеленая полоса леса, путники прибавили шаг. Птицы, порхавшие высоко в небе, под облаками и меж ними, весело щебетали; полет их, как заметил шемит, неизменно завершался где-то в лесу, так что можно было с уверенностью сказать, что жизнь там, в отличие от владений вампиров, есть — сие весьма ободрило варвара: от кореньев да ягод у него сводило живот, и он вот уже два дня мечтал о куске хорошего мяса. Пообещав Иаве поймать и зажарить кабана либо оленя, киммериец прибавил прыти, и спутник его, как видно, вовсе не страдавший из-за отсутствия мяса, вынужден был бежать следом, в очередной раз проклиная тот день, когда он встретил на пути своем этого парня.

Лес и впрямь оказался чудесным: пышным, не топким, чего вполне можно было ожидать вблизи моря, и довольно густо населенным всяческим зверьем. Пара непуганных енотов встретила путешественников, стоило им только войти в лес. Конан пригнулся было, намереваясь подловить того, что оказался полюбопытнее — подергивая носом, подошел ближе к людям, — но шемит остановил приятеля, пояснив, что здешних енотов есть нельзя: мясо их жесткое и горькое, ибо живут они в мангровых зарослях и ими же частенько

питаются, а мангры тут не только опасны полчищами вечно голодных комаров, но и ядовиты. Конан с сомнением посмотрел на спутника, но, помня прошедшие события, спорить с ним не стал. В конце концов, в этом лесу явно можно встретить и других животных, повкуснее отравленных енотов.

Но и следующего зверька — жирного бурундука — Иава не разрешил варвару убить.

— Потерпи немного, Конан. Здесь есть кабаны, медведи, олени... Если наткнемся на озеро — аллигаторы и панцирные щуки... Ты пробовал когда-нибудь панцирную щуку? О-о-о... Я умею готовить из нее такое блюдо... А бурундуки — хозяева леса! Понимаешь? Половина его посажена их далекими предками и ими самими! Посмотри на его щеки. Он набивает их семенами, которые потом прячет. Но по дороге к своему тайнику часть семян теряет, и они-то произрастают через некоторое время... Понимаешь?

Горячая речь Иавы не убедила киммерийца, тем не менее и на сей раз он согласился еще немного подождать. И в скором времени воистину поразительное терпение его было вознаграждено: огромный и тупой кабан вышел из глубины леса прямо на них и, как до него еноты, начал с удивлением разглядывать посетителей. Злобные от природы глазки его посверкивали в бурой густой шерсти, а пятак подрагивал, принюхиваясь к незнакомому запаху. Конан, нимало не смущаясь гостеприимным поведением кабана, всадил в его загривок меч по самую рукоять; не медля, он развел под вековой сосной костер, подвесил на палке добычу, и начал медленно поворачивать ее над огнем. И все же через некоторое время не выдержал: сорвав недожаренную тушу, он вонзил в нее зубы, обжигаясь и постанывая от боли и удовольствия. Шемит, до этого грустно взиравший на погибшее животное, поступил точно так же, с той только разницей, что впился в мясо с другой стороны.

...Незаметно сгостились сумерки, и разомлевшие от сытной еды путешественники решили готовиться ко сну. Лес зелеными раскидистыми ветвями своими сдерживал порывы ветра, и потому лишь легкий сквозняк обдувал приятелей с юго-запада.

Лежа под сенью огромного кипариса, Конан вновь вспоминал Мангельду, но сейчас не испытывал той тоски. Сердце его, словно обложенное кусками кабаньего мяса, не воспринимало ничего. Ленивые мысли проплывали в голове, не волнуя и не тревожа, а дрема, постепенно обволакивающая варвара, вскоре растворила и их. С наслаждением Конан проваливался в мягкую теплую тучу сна, в забытьи уже слыша тихий, будто издалека, храп шемита.

\* \* \*

— О, Птеор! О луноликая Иштар! — выкрикивал шемит, когда к вечеру следующего дня они подходили к берегу моря. — Порадуйтесь за сына вашего и раба! Ну, и за этого парня тоже... Мы видим море! Великое море Запада! Я уже слышу плеск его волн, я уже дышу им!

Киммериец, отнюдь не разделявший восторгов спутника, тоже был весьма доволен: большая часть пути ими пройдена, и теперь осталось только взять лодку и доплыть до Желтого острова, а там... Но Нергал с ним, с Гринсвельдом... Конан, в глубине души уверенный, что противник ему достался серьезный, задумываться о дальнейшем не желал, полагая, что так или иначе с обезьяной, пусть и демонического происхождения, справится. Несмотря на молодость, опыт в подобных делах у него имелся, и немалый.

— Хо, варвар, погляди-ка!

Возбужденный видом моря Иава указывал толстым волосатым пальцем на полдюжины деревянных домишек, стоящих на невысоком холме довольно далеко от берега.

— Мы вышли как раз туда, куда нужно! Это рыбакская деревня. Они нам дадут лодку! Они нам поведают, как добраться до Желтого острова!

Фыркнув, Конан пожал плечами, но направил-таки стопы свои вслед за шемитом, что подпрыгивал, гоготал и размахивал руками как мальчишка. Песок под ногами был влажен и приятно холодил иссеченные сухой травой и землей ступни киммерийца, и с каждым таким шагом хорошее настроение, утерянное еще на постоялом дворе в горах Кофа, возвращалось к нему. Неожиданно для самого себя он вдруг подпрыгнул, гикнул, и помчался за шемитом, ощущая радостное возбуждение, смешанное со стыдом: мужчине-воину не подобает скакать подобно козлу. Впрочем, здесь никто из знакомых видеть его не мог, да и никто, кроме шемита, не мог, а его Конан в расчет не брал, считая, что тот и сам скачет не хуже. Тем не менее у холма киммериец остановился, принял степенный вид — ему нужна была лодка, а прыгающим дурням ни один нормальный человек лодку не доверит, — окликнул Иаву и, выразительно постучав кулаком по лбу, начал взбираться наверх.

К рыбакской деревне они подошли вместе. Она и вправду была невелика. Крепкие, хотя и не слишком привлекательные на вид хижины, низкие, с плоскими крышами, разделялись между собою заборами из досок, обвязанных веревками. Во двориках всюду развесаны были сети, у стен строем стояли гарпуны и остроги различных видов, грозья нанизанных на нити рыбин свисали с крыш. Женщины с коричневыми лицами разбирали тазы, полные рыбы — как видно, мужья недавно вернулись с лова, и теперь они сортировали добычу. Конан плохо разбирался в рыбакском хозяйстве, но от острого запаха желудок его, не далее как утром освобожденный от остатков кабана, заурчал, запросил уши и жареной камбалы, начиненной орехами — о кушанье сем слышал он во времена былые в Шадизаре, от Ловкача Ши. Конечно, в крайнем случае его устроила бы и сырая рыба, но сей случай крайним никак не считался. Конан сунул руку в карман, с удовлетворением ощупывая там тяжелые шершавые кружочки, и решительно ступил в ближайший двор.

Но Иава его опередил. Зайдя в соседний двор, он, беспрестанно кланяясь, что-то горячо объяснял древней старухе с длинными седыми патлами, что сидела на ступеньках крыльца и грелась на солнышке. Вид у старухи был весьма мерзкий — Конан издалека чувствовал, как воняет от нее старостью и затхлостью — и шемита она, кажется, вовсе не слушала. Наконец, так и не открыв глаз, она резко взмахнула костистой рукой и хрипло каркнула:

— Фах!

Иава озадаченно хмыкнул, затем повернулся к приятелю и перевел:

— Убирайтесь отсюда, протухшие крабы клешни!

— Фах! — подтвердила старая карга и сплюнула в сторону Конана.

Одним прыжком варвар перескочил изгородь. Подходя к крыльцу, он отметил, что шемит с несвойственной ему неразборчивостью попал в самый бедный дворик из всех. Сети здесь были рваные, а рыбы мало — всего-то три грозди под крышей.

— Ах ты...

Конан навис над каргой, с отвращением ощущив именно тот запах, какой и предполагал. Он понятия не имел, что делать дальше, ибо прежде ему не приходилось сражаться с дряхлыми стариками, но Иава явно оказался в полной растерянности, и варвар решил принять этот удар на себя.

— Клянусь Кромом, ты дашь нам лодку! Или я отправлю тебя кормить рыб!

Получилось грозно, но не слишком удачно: карга так и не открыла глаз и вообще, похоже, уснула, так как нижняя челюсть ее отвалилась, голова упала набок, и она снова, но уже едва слышно, пробормотала свое «фах!»

— Слушай-ка, киммерийский бык, — несколько смущенно произнес Иава. — Давай попросим лодку у кого-нибудь другого. И рыбы заодно. Нергал занес меня в этот нищий дворик... Им и самим тут жрать нечего...

Пожав плечами, Конан изъявил согласие, в глубине души довольный тем, что не ему пришлось предлагать отступление. Поворачиваясь, чтобы уйти за приятелем, он (от досады ли, из озорства ли) несильно щелкнул старуху по носу и — замер от внезапно разорвавшего тишину дикого пронзительного вопля.

Широко раскрыв рот карга орала подобно турецкой праздничной зурне — Конану приходилось слышать эти мерзкие, убивающие покой и всякое желание жить звуки. Круглые глаза ее, когда-то блекло-голубые, а сейчас и вовсе почти бесцветные, в ужасе смотрели на могучую фигуру варвара; поднятые вверх тощие костистые руки тряслись крупной дрожью; но самое отвратительное заключалось в том, что старуха, по всей видимости, и не думала когда-нибудь заткнуться. Голоса у нее хватало, и воздуха в легких тоже.

Шемит, оглушенный и обозленный донельзя, ринулся к вопящей карге, наклонился над ней и рявкнул что было силы:

— Фах!

В то же мгновение она закрыла рот, уставившись совиными глазами на Иаву; взгляд ее стал тускнеть, руки плетями повисли вдоль тощего тела. Когда шемит разогнулся, старуха уже мирно спала, отвесив челюсть и басовито похрапывая.

В изумлении и раздражении Конан наблюдал эту сцену: суровая, чисто киммерийская натура его не выносила лицедейства. Ничего не поняв в увиденном, он решил, что старая карга просто-напросто обдурила его и его спутника, и, заподозрив, что вся деревня состоит из таких же ублюдков, надумал отомстить им похищением самой лучшей лодки. Благое намерение приобрести ее за живые золотые пропало без следа; свистнув Иаве, злобно взиравшему на спящую старуху, варвар направился вниз, к берегу, где у небольшой пристаньки цепями были привязаны дюжины две неплохих суденышек. Насмешливые взгляды соседей карги действовали на Конана подобно хлысту для лошади: он пошел быстрее, спиной ощущая и спиной же отталкивая от себя эти взгляды.

— Конан, подожди, — шемит догнал его уже на берегу. — Ты сам виноват. Не надо было щелкать ее по носу. Она решила, что ты Санабо — их морское божество.

— А кто ей сказал, что я Санабо? — фыркнул Конан, не сбавляя шага.

— Я же говорю — ты щелкнул ее! Она здешняя колдунья, и ни один человек не осмелился бы поступить с ней так. Ты поступил. Значит, ты ее не боишься. Значит, ты Санабо.

— А может, я Адонис. Или Нергал. Они тоже вряд ли ее боятся, — резонно заметил Конан, но гнев его все же пропал, испарился в свежем морском воздухе.

Синяя, как глаза киммерийца, гладь расстилалась перед спутниками. Только у берега вяло плескались волны; вдали море было ровным, и косые лучи заходящего солнца подпускали в его синеву свои красные блики. Там, где в полосе горизонта море сливалось с небом, мелькали черные точки — птицы, населяющие близкие, но отсюда невидимые острова. Эти проводники — Конан не раз слышал легенды о них — могут указать потерпевшему крушение путь к берегу, надо только не выпускать их из виду, и тогда рано или

поздно, но доплыvешь до твердой земли.

Стоя перед величественно спокойным морем, спутники на время забыли о цели своего путешествия. Иава наслаждался этим прекрасным созданием природы, а Конан опять вспоминал маленькую девочку, которая должна была стоять здесь вместо него, смотреть в синюю даль и вдыхать свежий солоноватый морской воздух. Он не стал думать о том, что ей никогда уже не вдохнуть не только такого, но и самого обыкновенного воздуха — к чему скорбеть? Разве не все когда-нибудь придут на Серые Равнины? Да и не для того погибла Мангельда, чтобы он прохлаждался тут на берегу, вдали от Желтого острова и Гориллы Грина.

Вздрогнув внезапно от какого-то непонятного мимолетного ощущения, Конан обернулся на Иаву. Тот застыл подобно изваянию, но смотрел он совсем не на прекрасную морскую гладь. Медленно со стороны деревни к ним шла женщина. Босые ноги ее утопали в песке, длинные, почти до пояса черные волосы волнами лежали на белоснежной тунике. Высокая тонкая фигура ее на фоне зеленого холма казалась ненастоящей, пришедшей из странных снов. Конан, кроме Мангельды не встречавший женщин по крайней мере две луны, улыбнулся ей как умел — то есть скривил обычно твердо сжатые губы, — сделал шаг навстречу, но сильная рука шемита вдруг крепко ухватила его за запястье.

— Погоди... Погоди, Конан, — тихо произнес Иава, не спуская глаз с незнакомки.

Она подошла ближе и остановилась в двадцати шагах от них. Она тоже не спускала глаз — с Иавы. Так они смотрели друг на друга, не двигаясь и не произнося ни слова, пока варвару это не надоело наконец. В сердцах он сплюнул в песок, рявкнул:

— Ну, хватит! Клянусь Кромом, у меня нет времени выстаивать тут... А ты, шемит...

Недоговорив, Конан махнул рукой и направился к лодкам.

— Халана... — прошептал Иава, пробуя улыбнуться. — Это я.

\* \* \*

Уже минула ночь, прошло утро, и солнце — всевидящее око светлого бога — уже поднималось в зенит, а престарелые влюбленные (как про себя обозначил их варвар) все сидели на перевернутой лодке, держась за руки, и смотрели друг на друга. Ладно бы разговаривали, так ведь просто сидят и молчат! Молодой киммериец был не на шутку раздосадован подобным поведением. Особенно возмущал его шемит, кажется, совершенно забывший о существовании спутника, который нынешней ночью никого не держал за руку, а мерз под лодкой, лишь изредка забываясь сном. Да и что толку в нежных взглядах? Или Иава до сих пор не знает, что нужно женщине? Конан презрительно хмыкнул. Сам он в таких случаях никогда не терял времени, и — самодовольная усмешка пробежала по его губам — пока никто не жаловался! Даже строптивица Карела!

При воспоминании о Кареле Конан невольно вздохнул. Нергал ее знает, эту странную девчонку... То ласкова, то резка словно степной ветер... А впрочем, все женщины таковы... Только в одних больше одного, а в других — другого... Сидя в песке, задумчиво зализывая на запястьях раны от цепей, киммериец вспоминал тех, кого приходилось ему встречать прежде на пути своем. Среди них были, конечно, алчные и хитрые, но больше все-таки смелых, честных, самоотверженных, готовых любить без слез, без просьб, без жалоб... Он был благодарен им — как, наверное, и они ему...

Варвар зевнул. Ему захотелось вдруг покончить поскорее с делом Мангельды, с кочевой жизнью, хоть на время перестать ломать голову над тем, где достать еды и воды... Конечно, путь к богатству и славе не близок, но это и все, что известно про него людям. Ступил ли уже Конан на сей путь? Да, ступил, он не сомневался. И дальше пойдет по нему же, никуда не сворачивая, что означает лишь одно — жить как жил всегда: брать на себя много и стараться взять еще больше, желать не долю, но всё целиком... А пока... А пока хорошо бы наняться в армию, жить себе поживать в казарме, а после службы гулять в кабаках да обнимать красавиц...

Воображение варвара услужливо нарисовало юную пышнотелую Минию, дочь шадизарского стражника. Она подарила Конану несколько жарких ночей, она укрыла его однажды от погони, она даже хотела уйти из города вместе с ним — никак не могла понять, что в дороге мужчина должен быть один... Ну, разве что попадется случайная попутчица...

Округлые формы Минин не выходили из головы. Взор киммерийца затуманился: неплохо было бы, если б она оказалась сейчас тут. Он показал бы тогда шемиту, чем надо заниматься с женщинами! А то сидит, молчит... За руки держит!

Сплюнув, Конан решительно подошел к лодкам, выбрал самую, на его взгляд, крепкую, и стал отвязывать цепь. Нергал с ним, с шемитом! Он поплынет к Желтому острову один! В конце концов, и Гринсвельд, и вечно зеленая ветвь маттенсаи его, Конана, личная забота. Видит Кром, киммериец никогда не отказывался намотать на меч кишки грязного демона...

— Конан!

Варвар не обернулся. Почему-то ему очень не хотелось встречаться глазами с красавицей Халаной.

А Иава уже подходил к нему, мягко, еле слышно ступая по песку — грузное тело его на миг заслонило варвару солнце, — и так же мягко взял цепь из его рук со словами: «Не надо, Конан. Халана даст нам свою лодку...»

— Нам? — Киммериец резко поднялся, с удивлением глядя на шемита. — Я думал, ты остаешься...

— Я вернусь. Потом.

Он обернулся на женщину, и она с улыбкой кивнула ему.

— А я буду ждать тебя.

Это были первые слова, которые Конан услышал от Халаны.

# Глава 10. Желтый остров

Давно уже тонкая полоса берега растворилась в сине-голубой дали, а впереди все еще простиралась бескрайняя гладь, и казалось, никогда не мелькнут на горизонте долгожданные очертания Желтого острова. Весла мерно разрезали темные воды, тихим плеском не тревожа тишину; так крики морских птиц испокон веков неразделимы с этой тишиной, столь прекрасной в штиль, и столь жуткой перед штормом.

Молча спутники налегали на весла, опуская их в воду сильно и плавно. Каждый в эти мгновения, слитые в один отрезок времени для обоих, думал о своем, стараясь не слишком углубляться в волнующие душу воспоминания. Здесь, на огромном водном пространстве, они были одни, и никому больше — ни друзьям, ни врагам — не было места в длинной узконосой лодке, быстро летящей по зеркальной глади к Желтому острову. Все образы остались на берегу; все чувства остались на берегу; в подобные путешествия обычно берут лишь знания, волю и силу — это отлично знали оба мореплавателя, и с этим были совершенно согласны.

...К вечеру, когда порыжевшее солнце уже обмакнуло свой край в море, Конан узрел вдалеке темное пятнышко, то исчезавшее в мерцании красных лучей, то проявлявшееся снова. Спутники переглянулись, но и только: весла их все так же мерно опускались в воду, сердца бились ровно, а ход мыслей не поколебался и на миг.

— Конан, — наконец прервал долгое молчание Иава. — Наверное, я должен сказать тебе...

— Ну? — Голос варвара не дрогнул, но в душе его вдруг стало пусто и темно — лишь на вздох. Кто сидит с ним в одной лодке? Не следовало ли задаться сим вопросом раньше?

— Я все знал. С самого начала знал. И про антархов, и про Мангельду, и про Гринсвельда...

Конан молчал.

— Знаешь, куда я ушел из Шема двадцать лет назад? В Ландхаагген. Мне говорил об этой стране отец, он тоже был там когда-то. С детства я слышал его рассказы о Мольдзенах, о ледяных пустынях, о вечной ночи... Легенда... Красивая, хотя и печальная легенда — так казалось мне тогда. Как я мечтал попасть туда, своими глазами увидеть то, что так часто видел во сне — глыбы льда, Белый дворец, деревню антархов... Мертвая страна, которая когда-то обязательно обретет свой первоначальный вид...

Я прожил там семь лун. В доме старейшины меня научили многому из того, что потом не раз помогало мне в жизни. Я полюбил этих людей. Так же страстно, как и они, я желал рождения близнецов... И мне не терпелось начать сманданг и разморозить наконец это ледяное царство! Так же страстно молил я Асвельна о помощи и оберегал маттенсаи... Им и в голову никогда не приходило прятать ее... А ведь Горилла еще тогда крутился поблизости! Почему он не стащил ее раньше? Я думаю, он тоже ждал рождения близнецов. Чтобы потом, когда спасение будет совсем близко, отнять его у них. Так что украл он не маттенсаи — надежду.

— Потому ты и пошел со мной? — прервал спутника Конан, у которого отлегло от сердца после рассказа Иавы.

— Ты появился в горах Кофа весьма неожиданно, парень, — засмеялся шемит. — С Мангельдой должен был идти я. Так хотел Асвельн. Но не успел я поведать девочке всю

историю, как ты уволок ее в свою каморку! Я не знал, что делать!

— Спросил бы у Асвельна, — хмыкнул киммериец.

— С тех пор я больше не видел его. Ну, если не считать древнего леса... Но сдается мне, он не возражал против твоего участия в этом деле. Иначе ни за что Мангельда не рассказала бы тебе все, будь уверен, варвар.

— Ты думаешь, Асвельн выбирал между мной и тобой?

— И выбрал тебя, — кивнул Иава. — Знаешь, Конан... Многие — поверь мне, многие — обладают железной волей и первобытной силой. Но в тебе та же воля и та же сила образуют гармонию. Понимаешь?

— Нет, — качнул головой киммериец. — Но я и не хочу понимать. Клянусь Кромом, Иава, мне нет дела до того, как я устроен. Я живу и я действую — это все, что нужно.

— Я только хотел сказать, что другого такого нет, — сказал шемит, пожимая плечами. — Хотя, может, ты и прав. Может, тебе и не надо этого знать.

— Желтый остров... — Конан приподнялся, разглядывая возникшую перед ними скалу буро-желтого камня. — К сумеркам доплы wholem.

— Пораньше, — отозвался Иава, и впервые за все плавание с силой налег на весла.

\* \* \*

Только издалека Желтый остров казался неприступным. Мрачные желтые утесы-великаны высились чуть дальше от берега, а сам берег являл собой узкую, не больше пяти шагов, каменистую полосу.

Затащив лодку в гrot, обнаруженный после недолгих поисков, путешественники двинулись вглубь острова. Трудность сего похода заключалась в расположении скал и валунов: они почти примыкали друг к другу, и людям приходилось не идти, но протискиваться меж ними, иной раз ценой огромных усилий высвобождая застрявшую ногу либо шемитов живот.

Спустя некоторое время киммериец, охваченный с первых же шагов на острове странным тягостным чувством, понял, отчего так давит грудь тоска — здесь не было жизни. Никакой растительности кроме жалких клочков моха да сухих прутиков, бывших некогда кустами; ни зверей, ни птиц — только белые чайки с паническими криками порой проносились над ними, но не кружили, а исчезали где-то за вершинами скал. Самым живым оказался прозрачный ручей веселого синего цвета, бурлящий и брызжущий пеной; от него так и веяло прохладой, и спутники, встав на колени, долго пили его чистую пресную воду, на миг лишь отрываясь и тут же снова припадая губами к спасительной ледяной струе.

Желтая башня возникла перед ними неожиданно. Впрочем, так и бывает обычно, и Конан, лишь на полвздоха ощущив укол в сердце, упорно полез через два почти сросшихся в объятья валуна.

— Конан, погоди, — тяжело дыша, Иава уселся на плоский, черный с желтизной длинный камень, простер ободранные руки к варвару. — Нельзя идти туда сразу. Много ли сил у нас после целого дня пути?

— Я пойду, — упрямо бросил киммериец, пробуя босыми пальцами ноги следующий валун.

— Ты хочешь стать хорошей закуской для этой обезьяны? — в отчаяньи выкрикнул

шемит. — Стой, говорю тебе, ослиная шкура!

Конан молча перепрыгнул на другую сторону валуна.

— Там нет входа, понял? — буркнул Иава и отвернулся.

Он рассчитал правильно. Киммериец замер, животом и щекой прижимаясь к нагретой солнечными лучами поверхности камня. Желтая башня была так близко... Интересно, а знала ли Мангельда все эти хитрости?

Конан прикрыл веки, но и теперь, почти у цели, тонкие черты ее лица не проявились четко — сквозь клубы тумана проглядывали чьи-то знакомые глаза, и только. Он даже не смог бы с уверенностью сказать, что это глаза Мангельды, ибо сейчас ни боли, ни тоски не воспринимало его уставшее сердце. Пожалуй, до сих пор он и не чувствовал, как много на себя взял. Все эти дни чужая клятва точила его душу, и лишь здесь, на Желтом острове, он имел возможность снять наконец груз, освободиться, зажить своей, только ему принадлежащей жизнью...

— А где вход, Иава? — внезапно спросил Конан, все еще не отрываясь от камня.

— Здесь, недалеко, — неохотно ответил тот. — Ты хочешь пойти ночью?

— Если бы я был Митрой, я б сделал день! — в раздражении рыкнул варвар. — Ты можешь оставаться, шемит, и подождать утра. Где вход, показывай!

С глубоким вздохом приподнял Иава свое грунное тело с уютного сиденья. Сил у него не было даже на то, чтобы осыпать подобающими проклятьями упрямого киммерийского верблюда — и он, как Конан, только здесь почувствовал всю тяжесть своей усталости; и он только здесь понял, как много на себя взял. Какая-то очень важная мысль мелькнула — и тут же пропала. Шемит остановился на пару мгновений, прислушался к своим ощущениям. Так он делал всегда, когда хвост нужной, может быть, даже жизненно необходимой мысли ускользал от него. Иногда способ сей помогал, иногда — нет. Сейчас ему повезло: мысль вернулась, и заключалась она в том, что от антархов кроме клятвы вернуть маттенсаи в Ландхааген они с Конаном получили еще и такую малоприятную штуку, как чужое состояние души. Тонкая нить, связывающая антархов с богами и Асвельном, попала в руки двух самых обыкновенных людей — еще бы силы не покинули его, Иаву, здесь! Сквозь собственную простую оболочку шемит почти не ощущал той боли и той тоски, что с таким трудом выносила Мангельда. И тем не менее чувства сии все время были с ним — и с Конаном — и, разумеется, незаметно отняли большую часть сил...

Иава разочарованно хмыкнул. Мысль была, несомненно, интересная. Но — и тоже несомненно — абсолютно бесполезная. Что он сделает с ней? Превратит в копье и метнет в Гориллу? Или съест на завтрак? Тьфу! Шемит повернулся к варвару и буркнул:

— Здесь!

Перед ними гордо возвышалась ничем не примечательная скала. В сумерках она казалась особенно мрачной и зловещей — только и всего. Ни двери, ни, тем более, ворот не было и в помине. Конан с сомнением оглядел ее отвесную шершавую стену, ткнул ее кулаком, потом плонул, и, не дождавшись никакого результата, сказал:

— Заходи первый.

Кряхтя, Иава опустился на колени, пошарил рукой в земле у основания скалы. Нашупав железный крюк он даже несколько удивился, ибо все же не предполагал, что Асвельн так точно укажет ему место входа в Желтую башню. Что было силы шемит потянул на себя крюк, но тот не поддался и на волос.

— А ну, подвинься, — Конан рухнул на колени рядом с приятелем и обеими руками

вцепился в железку.

Со скрипом поехала в сторону засыпанная твердой землей плита, на которой они сидели. Едва успев отскочить, спутники невозмутимо наблюдали, как открывается перед ними черная широкая дыра, особенно жутко выглядевшая в только что наступившей ночи.

Не раздумывая, Конан швырнул в дыру свой мешок и следом прыгнул сам — сил на благоразумие у него уже не хватало. Слава Митре, глубина была едва ли в два его роста, так что он благополучно приземлился, и тихо свистнул Иаве, призывая его последовать за ним.

Шемит оказался менее удачлив: при падении он вывихнул ногу, и теперь на все лады проклинал варвара, не имевшего терпения подождать до наступления утра. Как ни странно, сил у него вдруг поприбавилось. Довольно легко поднявшись, он послушно сунул Конану больную ногу, с исключительным мужеством стерпел короткую боль, и, чуть прихрамывая, двинулся за приятелем по огромному, освещенному тучами светлячков коридору.

— Откуда ты знаешь про этот вход? — поинтересовался варвар, бодро шагая босыми ногами по сырому, сплошь усыпанному мелкой галькой полу.

— О, Конан... — пробормотал шемит, ковыляя сзади. — Порой ты нескованно удивляешь меня...

— От Асвельна? Кром! Я так и понял. Но почему он ни разу не приснился мне? Ты же сам сказал, что он выбрал меня! Ну, что молчишь, шемитская рожа? Или тебя опять кто-то укусил? Как тогда, в норе под горой?

Иава смущенно фыркнул, но не выдержал, расхохотался.

— Что смешного я сказал тебе, разноглазый? — прорычал Конан, останавливаясь.

— Не сердись, киммерийский бык, — давясь от смеха, еле вымолвил шемит. — Но меня тогда никто не кусал.

— А что же ты тогда валялся без чувств, словно старая девственница, впервые попавшая в объятья мужчины?

— Ну... Как тебе сказать... Понимаешь, я терпеть не могу разных ползучих тварей... И особенно... Особенno мокрых... А та была именно мокрая, Конан. Ну, и я...

Выпучив глаза, киммериец несколько мгновений с изумлением взирал на приятеля.

— Так ты... Кром, как это называется... Упал в обморок?

— Угу, — Иава снова хихикнул, но лицо его помрачнело.

Конан открыл рот и, трясясь в беззвучном хохote, начал сползать по стене вниз.

\* \* \*

Гринсвельд стоял на четвереньках перед окном, где снова трепетало в солнечных лучах зеркальное отображение варвара. Если бы только он обладал способностью убивать взглядом на расстоянии, мальчишка и его спутник сейчас бы уже бродили по Серым Равнинам бесплотными, ни на что не годными тенями.

Горилла Грин обожал свою игру; он жил ею так, как люди живут мечтой либо надеждой. Он просчитывал каждый ход, испытывая при этом невыразимое и ни с чем не сравнимое наслаждение, и как сладко было потом наслаждаться очередной победой! Да и что может быть лучше игры, где правила диктует только один участник, нарушая их тогда, когда ему того захочется? И вот сейчас его жизнь — именно жизнь! — разрушена двумя недоносками, кои осмелились сами придумывать правила в чужой игре...

Звериная сущность, ценою неимоверных усилий запиханная гориллой в самую глубь, снова начала проявляться, и справиться с ней он уже не мог. Дикая от природы необузданная сила и страсть разрывали его с прошлого вечера, когда он, уверенный в том, что враги его уже изжарены и съедены ублюдками из Алисто-Мано, опять увидел их — живых и совершенно невредимых — у берега моря. Только Густмарх знал, как бесновался Горилла Грин, как прыгал из угла в угол по залу, как катался по полу, издавая хриплые гортанные звуки, издавна присущие его обезьяньему племени. Так продолжалось всю ночь и все утро.

Совершенно измощденный, днем он не стал ставить зеркало, интуитивно боясь вновь увидеть варвара и вновь перенести столь утомительный припадок бешенства. Но к вечеру не выдержал. В конце концов, должен же он быть готов к встрече гостей!

То, что отразилось в оконном стекле, едва не заставило его расстаться с жизнью самостоятельно, со всей силы треснувшись лбом об стену: враги его правили к Желтому острову, не остановленные ни морским чудовищем, ни штормом, ни дырой в днище лодки. Все, о чем так молил он Густмарха, осталось нереализованным. И те великолепные картины гибели двух искателей приключений, что беспрестанно рисовало его воображение, превратились в прах, в дым! Гу — идиот с ослиной башкой — даже не подумал исполнить нижайшие просьбы своего раба. Раба? Ну уж нет. Теперь — нет.

Гринсвельд подскочил, обливаясь слюной, которая потоком извергалась из его оскаленного рта, и прыжками ринулся вниз.

\* \* \*

— Тупик, — объявил Конан, остановившись перед сплошной стеной, завершающей подземный ход.

Иава подошел, с сомнением оглядел плиту, сплошь усеянную вонючими рыхлыми лепешками непонятного происхождения. Если бы они лежали на полу, шемит без труда установил бы, откуда они взялись, но на отвесной стене...

Конан треснул по ней рукоятью меча, и тут же лепешки с чавканьем попадали вниз, осыпалась труха, обнажая трещины в древнем камне; вдвоем они ощупали каждую выпуклость, каждую впадинку на плите, но ничего такого, что могло бы открыть им вход в башню, не нашли. Тогда варвар попытался сдвинуть эту стену руками. Наклонившись, он засунул пальцы под самое ее основание, напрягся — вены на шее и лбу его вздулись так, что шемит начал опасаться за здоровье приятеля — и...

— Помоги... — прохрипел Конан, обливаясь потом.

Иава подскочил, ухватился за плиту с другой стороны.

С удивлением почувствовал он, что камень дрогнул, поддаваясь. Застонав в унисон, спутники сделали рывок, еще один, еще... Стена, приподнятая от земли на целый локоть, пошатнулась в их руках, и вдруг повалилась, увлекая за собой не удержавшегося на ногах Иаву. Он рухнул на нее сверху и так застыл, чувствуя, что встать пока не в силах.

— А тут еще одна, — с ужасом услышал он неуверенный голос киммерийца.

— Где?

Шемит поднял голову. Перед ними, прежде закрытая плитой, преспокойно высилась самая настоящая дверь с круглой золотой ручкой. Сверху донизу ее покрывала тонкая ажурная решетка из золотой и серебряной проволоки, а посередине словно глаз демона

сверкал большой рубин, который Конан, нимало не смущившись, тут же и выломал. Свершив сие злодеяние он дернул ручку — дверь с легким скрипом отворилась — и вошел внутрь.

# Глава 11. Бой в Желтой башне

Сокрушив статую своего бога, Гринсвельд, тяжело дыша, стоял над обломками и со странным спокойствием ощущал сосущую пустоту в душе. Вот и все. Нет Густмарха. А это значит, нет и его, Гориллы Грина. Гу был его талисманом, его землей и солнцем, его жизнью. Ему ведал он все мысли, чувства, мечты; с ним бежал из Ландхааггена, в снежном вихре страшась потерять не столько украденную маттенсаи, сколько своего Гу; его одного любил.

Здесь, в Желтой башне, Гринсвельд нашел статую древнего божества, вряд ли в настоящие времена кому-либо известного, и нарек Густмархом ее, ибо до того тот не имел внешнего выражения и жил лишь в его, Гориллы, сердце — выдуманный когда-то очень давно, в доме рыбачки Фьонды, под страшные завывания пурги. Тогда же и слился он с сущностью самого Гринсвельда, обогатив его несказанно: теперь две души поселились в черном нутре обезьяны, и если одна чего-то очень хотела — вторая поощряла ее свершить задуманное. Таким образом Горилла получил и друга, и советчика, и помощника. Со временем он привык сваливать на Густмарха все неудачи, но не забывал и восхвалять его при своих победах, так что уживались они вдвоем замечательно.

Гринсвельд и не подозревал, что мудрецы, днями и ночами сидящие над умными книгами, без труда определили бы это состояние как раздвоение внутреннего облика. Он и знать не хотел, что Гу не было, нет и никогда не будет. Он жил с ним, и с ним он уйдет на Серые Равнины — последнее пристанище всех тех, кто живет на земле.

...Опустив тяжелую башку, Горилла пробивал соединить осколки любимого бога. Он забыл на время о скором появлении здесь, в его владениях, мальчишки варвара и бродягина-шемита. Остыв после припадка безумия, он был пуст и сломан так же, как его несчастный Густмарх, чьи бесполезные и жалкие останки валялись сейчас у его ног. Как странно кончилось время, отпущенное им двоим небесами... Сам, своей волей и своей силой Горилла Грин оборвал нить собственной жизни... Разве мог он даже представить себе такое когда-то? Да что когда-то! Только сегодня утром!

В волосатой лапе его вдруг злобно сверкнул и тут же погас каменный зрачок... Гринсвельд затаил дыхание, надеясь еще раз увидеть этот блеск, но более ничего не произошло. Тогда он сел на пол, прижал к обвислым щекам глаз Гу, и отчаянно, дико завыл, подняв голову к завешенному паутиной потолку.

\* \* \*

По винтовой лестнице спутники поднялись из подвала башни на первый этаж. Роскошная мраморная лестница, возле которой лежала груда каких-то осколков, шириной была почти во весь зал. У стен рядами стояли на подставках бронзовые светильники, все разного размера и формы: по всей видимости, Горилла натаскал их отовсюду, не особенно заботясь о красоте и симметрии. Чудесные мягкие ковры работы турецких мастеров устилали пол, но и они не сочетались между собою ни цветом, ни рисунком.

Пока Иава с благовением рассматривал и зарисовывал в маленькую книжечку узоры витражей на единственном здесь окне, Конан внимательно осмотрел первый этаж, но не обнаружил никаких признаков маттенсаи. Не было здесь и следов хозяина, кроме, разве что,

обломков статуи, невесть кого изображавшей при жизни. То, что разбил ее Гринсвельд, сомнений у варвара не возникало, ибо в Желтой башне жил он один: так сказал шемит, а тому так сказал Асвельн. На всякий случай Конан еще раз порыскал по залу, производя при этом шума не больше, чем кошка, и двинулся прямиком к лестнице, жестами объяснив Иаве свои намерения.

Нервы молодого киммерийца были натянуты до предела и чуть не звенели в вязкой тишине башни. Шемит, напротив, был спокоен и внешне и внутренне. Словно верного друга за спиной ощущал он все прожитые годы, весь опыт, накопленный им кропотливо за время странствий; он не рассказал Конану и самой малой части того, что случилось когда-то пережить, что посчастливилось когда-то узнать. Мечтая на склоне жизни вернуться в покинутый давно Шем, он так торопился жить, что успел очень многое — иные знаменитые мудрецы, сидящие в богатых дворцах в качестве советников, не знали столько, сколько простой бродяга, за двадцать лет исходивший чуть не все дороги на свете. Впрочем, Иава был вполне благородного происхождения и не менее благородного образования, но теперь это уже не имело никакого значения, ибо время стирает все, а образ жизни строит новое, так что сейчас Иава был только тем, кем был сейчас.

Поднимаясь по мраморной лестнице, он улыбался в спину мальчику, к которому привязался всей душой, и не сразу заметил то, что заметил Конан: огромную, покрытую черной шерстью обезьяну лапу со сморщенными пальцами и кривыми желтыми ногтями.

Горилла сидел в своем любимом кресле и ждал гостей. Он не прятался, но и демонстрировать себя не собирался. Кресло стояло почти против входа в зал; он не стал двигать его; он просто уселся поудобнее, прикрыл глаза, кожей чуя приближение варвара и его спутника. В душе его было по-прежнему пусто, но на Серые Равнины он уже не желал. Если это случится — пусть, но сначала туда должен отправиться этот киммерийский пес... Гринсвельд приподнял веки, хмуро посмотрел на входящих. На лице мальчишки он с удовлетворением заметил некоторую растерянность, зато шемит, против ожидания, ответил ему таким же твердым и угрюмым взглядом, и Горилла кивнул ему как старому знакомому, благодаря за этот взгляд. А в общем, он и есть его старый знакомый. Не он ли болтался в Ландхаагене лет так двадцать назад? И что он там делал? Ухмыльнувшись, Гринсвельд почесал под халатом могучую, хотя и поросшую жиром грудь и встал.

\* \* \*

В первое мгновение Конан растерялся. Он ожидал увидеть обезьяну, он ожидал увидеть человека, демона, монстра — кого угодно! Горилла Грин обликом своим не подходил ни под одно из этих определений. Огромный, ростом чуть не на три головы выше варвара, с широкими мощными плечами, он словно являлся олицетворением силы. Квадратная здоровенная башка крепко сидела в плечах без участия шеи, которой просто не было. Низкий волосатый лоб в глубоких продольных морщинах с боков завершался шишками; нос — обыкновенный человеческий нос, чуть свернутый набок; под ним длинные толстые губы, обросшие не то бородой, не то той же шерстью, что и все остальное; скошенный, словно срезанный клинком подбородок упирается прямо в грудь, обрамленный вислыми щеками; близко посаженные глаза тускло поблескивают, и в них можно разглядеть...

Конан содрогнулся. Прежде он не видел ничего подобного. Окинув Гринсвельда одним

быстрым взглядом, он словно споткнулся о его глаза, в которых было намешано столько всего, сколько вынести обычному человеку не представлялось возможным. Но Горилла и не был обычным человеком. Демон? Обезьяна? Монстр? Киммериец понял лишь одно: Гринсвельд был страшен. Безумием ли, кое явно таилось в черной глубине зрачков, силой ли, злобой ли — сейчас не стоило об этом размышлять. Но за девятнадцать лет своей жизни Конан не встречал еще подобного противника, а встретив, сделал шаг ему навстречу, выставил перед собою меч и ухмыльнулся.

Может быть, варвар и не сделал бы первого шага, памятуя о том, что воин должен уметь не только сражаться, но и вовремя дезертировать, прихватив добычу (в данном случае — маттенсаи), но, пораженный выражением глаз Гринсвельда, он снова оглядел его, вдруг заметив то, что сначала ускользнуло от внимания: шерсть, покрывавшая его всего, была аккуратно расчесана — как раз это обстоятельство, рассмешив, и вывело Конана из оцепенения.

Не прошло и трех вздохов с того момента, как спутники вошли в зал и увидели Гориллу, а киммериец уже наступал на него, двигаясь слегка вразвалку, расставив руки. В правой руке его был зажат меч, и на лезвии весело посверкивали огоньки от света таких же как на первом этаже бронзовых светильников.

Не принимая пока боя, Гринсвельд легко увернулся от стремительного выпада Конана, спокойно, не оглядываясь, прошел к стене и снял висящий на пестром ковре длинный двуручный меч.

— Конан! — резко крикнул шемит, с одним кинжалом кидаясь к Горилле.

Но было уже поздно. Неожиданный даже для такого бывалого воина, как Конан, бросок Гринсвельда и последовавший за ним удар, казалось, закончили еще не начавшуюся битву. Острие клинка вошло варвару глубоко в плечо; кровь хлынула потоком, струясь по мощной груди, стекая на прекрасный мозаичный пол.

В глазах Конана помутилось в одно мгновенье. Он качнулся, пытаясь зажать рану ладонью, медленно опустился на колени. Сквозь мутную завесу увидел он, как не спеша подошел к нему Горилла Грин, помедлил, разглядывая, потом хмыкнул и снова поднял меч. Пересохшие губы варвара прошептали проклятье; он заставил себя привстать и посмотреть в черные зрачки обезьяны так насмешливо, как только умел. Меч сверкнул в воздухе и с силой опустился.

\* \* \*

Гринсвельд с недоумением смотрел на труп шемита, лежащий между ним и варварам. Он никогда не мог этого понять: сунуться под смертоносный клинок, занесенный над другим! Смешно.

Горилле и вправду стало вдруг так смешно, что он закинул башку и расхохотался. Все блики от светильников затрепетали в его глазах; обвислые щеки тряслись в такт раскатам смеха. Внезапно он замолк, откинулся на полу халата и провел пальцами по бедру. Кровь... Черная, вонючая, истинно обезьяня кровь — с отвращением подумал он и пнул тело шемита. Это он умудрился-таки задеть его своим кинжалом... Но рана неглубокая, да и не так-то просто проколоть шкуру демона.

Гринсвельд вытер кровь халатом, снова посмотрел на варвара. Тот лежал как будто

недвижимо, но Горилле показалось, что ресницы его чуть дрогнули. Ухватив шемита за ворот куртки, он оттащил его подальше, чтобы тот не мешался под ногами, затем вернулся к Конану. Жаль, Густмарх не увидит, как он сейчас разделяет человека...

Черные длинные волосы варвара разметались по красивому полу; кровь его, смешанная с кровью шемита, красной лужицей поблескивала на мозаике, и Гринсвельд позавидовал людям: их свежая кровь не смердела так, как его. Злобно плонув в эту лужицу, он взял меч обеими руками, примерился и сделал резкий замах.

Ящерицей скользнул варвар меж его широко расставленных ног. Когда Горилла обернулся, парень уже стоял с поднятым мечом, и в глазах его сверкала ненависть и боль.

Они ударили одновременно. Звон пронесся по залу, эхом отдаваясь под высоким потолком. На сей раз противники действительно сошлись в бою, и Гринсвельду было уже не до смеха. Ярость Конана не пугала его, но лишь подогревала. Он и сам ненавидел не менее сильно, а потеряв Густмарха, забыл об осторожности, так что дикая сила его обрушилась на варвара словно лавина; он наступал, твердо зная, что если и суждено ему погибнуть, то только после мальчишки. Ловко орудуя клинками, враги не носились по всему залу, но почти не двигались с места. Оба были искусными бойцами, оба знали технику ведения боя. Но Конан, рана которого все же давала о себе знать, постепенно терял силы. Наверное, только ярость еще удерживала его на ногах. Он слишком хорошо помнил Мангельду, ее рассказ о Ландхаагтене; краем глаза он уже заметил маттенсаи — Горилла даже не подумал спрятать ее, видимо, уверенный в своей победе. И маттенсаи не должна оставаться в Желтой башне, иначе... Как там говорила Мангельда? «Я — последняя. Если не я — то кто?»

В отчаянии Конан метнулся к Гринсвельду, нарушив спокойное течение битвы, и неожиданно для него самого клинок достиг цели: почти половина его с хрустом вошла в волосатую грудь Гориллы, сломав ребро. Хлынула черная кровь, в одно мгновение замочив халат.

Взревев, Гринсвельд кинулся на врага, но, ослепленный яростью, упустил из виду маневр киммерийца и промахнулся, пролетел мимо. Он упал рядом с разрубленным до самого пояса телом шемита, и это решило исход боя. Разъяренный варвар одним прыжком нагнал обезьяну, без размаха вогнал клинок под горб, выдернул...

Словно простуженный хрип вырывался из глотки Гориллы. Он ждал нового удара, и ждал с прежней ухмылкой. Когда варвар еще раз поднял меч, он быстро перевернулся на спину и... С наслаждением увидел он изумленные, растерянные глаза врага, с наслаждением услышал его вопль ужаса.

Конан, в какую-то долю мига успевший остановить летящий вниз клинок, отшатнулся; все, что так твердо знало его сердце, разбилось в этот момент. Дрожа, он отступил назад шаг, еще шаг... Не в силах отвести глаз от крошечного детского тельца, сжавшегося у стены, он пятился к маттенсаи, желая теперь только одного: взять ее и уйти. Он понимал, что плачущий ребенок, весь обагренный своей и чужой кровью — та самая обезьяна, которая убила его друга, но ничего сделать не мог. Суровая, закаленная в боях душа варвара никогда еще не проходила через такое испытание. Да, прежде он умел быть безжалостным, но — только в пылу битвы, когда войско наступает на войско, и никому пощады нет. Когда копье летит на копье, а клинок на клинок. Сейчас же перед ним не было никого, кроме одного маленького ребенка, и он, отлично понимая, что это за ребенок, тем не менее не мог заставить себя опустить меч на его голову.

Гринсвельд, отодвинувшись к стене, молча смотрел, как капает с лезвия его вонючая

кровь прямо на босые ноги Конана. Тот трюк, коему когда-то научился он еще в Ландхаагене, до полусмерти пугая свою приемную мать, сработал. Варвар не смог убить ребенка, хотя сам Горилла не в силах был этого постичь. Враг есть враг, и нужно быть готовым к любому его действию; нужно уметь рубить не раздумывая, кто там перед тобою — ребенок ли, женщина ли, дряхлый ли старик... Жаль только, если придется отдать ему маттенсаи... Впрочем, он уже и так ее взял...

\* \* \*

Выхватив маттенсаи из высокого золотого кубка, Конан бегом ринулся к лестнице. Он больше не смотрел на скорченное у стены детское тело; он ненавидел — ненавидел так, как не приходилось ему прежде. Огромная, много выше и здоровее его обезьяна на его глазах превратилась в ребенка! Конан мог ожидать от Гориллы чего угодно, но только не этого. В первые мгновенья боя, когда Гринсвельд вел себя так уверенно, так спокойно, он невольно почувствовал нечто вродеуважения к врагу. Оказалось, то было не более чем лицедейство. Дешевое гнусное лицедейство!

Киммериец перепрыгнул нижнюю ступеньку, бросился к двери, ведущей в подземный ход.

— Эй!

Тонкий голос сверху заставил его резко остановиться, с замирающим сердцем посмотреть наверх. Гринсвельд, все в том же обличье, стоял у лестницы на втором этаже, и голова его едва достигала перил. Простирая ручонки к варвару, он с мольбой пялил на него круглые черные глаза и хныкал.

— Отдай, Конан. Отдай мне маттенсаи! Я погибну без нее!

— Нет! — яростно выдохнул Конан, отступая. — Нет!

— Прошу тебя, отдай! Отдай!

— Кром... — В отчаянье киммериец пнул дверь ногой, завороженный видом несчастного. Он не питал особой любви к детям, но и никогда не поднимал руку на них. Но то был не ребенок! Эта мысль билась в его мозгу, хотя полностью осмыслить ее он не мог, не имел времени и опыта. Будь сейчас жив Иава, он знал бы, что делать...

— Конан, отдай! — жалобно пискнув, Гринсвельд соскочил на ступеньку, чуть не подвернув при этом тоненькую ножку, и с детским бессмысленным смехом начал прыгать вниз. — Отдай... Отдай...

— А-а-а, — заревел варвар, в ужасе пялясь к черной дыре подземного хода. — Не подходи!

— Отдай-отдай-отдай...

Спрыгивая с предпоследней ступеньки, Горилла Грин подвернулся-таки тонкую детскую ножку. Падая, он кувырнулся в воздухе, и рухнул прямо на осколки статуи Густмарха.

\* \* \*

Несколько мгновений Конан не дышал. Не отрывая глаз от распростертого в груде камня Гринсвельда, он ожидал, что тот сейчас снова встанет и снова, протягивая руки и жалобно

хныча, пойдет к нему... Нет, Горилла не вставал. Тогда киммериец решился, подошел ближе.

Осколок с глазом Густмарха вошел ему точно между бровей; черные глаза мертвого смотрели в потолок, тонкие руки еще подрагивали, но Конан знал: больше Гориллы Грина нет.

Качнув головой, он начал медленно подниматься наверх, за телом Иавы. Завороженный всем, что произошло, он ощущал всем существом своим, что ни мыслей, ни чувств в нем сейчас нет, что внутри его зияет бесконечность — пустая и темная как колодец. Прижимая к груди маттенсаи, другой рукой он волок за собой меч, и длинная черная полоска обезьяньей крови тянулась ему вслед...

Он не услышал — почувствовал этот странный треск. Остановился, прислушался... Треск раздавался отовсюду: и сзади, и спереди, и с боков что-то как будто рвалось, тяжело, с болью... Инстинктивно Конан напрягся, сбрасывая оцепенение и снова становясь собой; в его синих глазах отразилась лестница, потом витражи, потом распостертое тело маленького Гориллы... Рушится башня! Он понял это внезапно, еще и не увидев трещин в стенах. А поняв, кинулся к подземному ходу, проклиная себя за то, что не успел унести из этого проклятого места тело Иавы. Хорошо, что сумка его лежит у него в мешке! Там его записи, он отдаст их Халане... О, Митра... Ведь Халана ждет... Что он скажет ей? Как объяснит?

...И подари нам жизнь и любовь.

Пусть буря грянет, пусть снег повалит,

Пусть трясетесь под нами земля —

На все твоя воля, пусть рушится все,

Но только не жизнь и любовь...

Если бы Конан не был сыном сурового бога Киммерии Крома, он бы не удержался сейчас от злых слез. Но он был истинным варваром и гордился этим всегда. А потому, ступая в черную дыру хода, он обернулся, с обычной ухмылкой бросил короткий взгляд на Гринсельда, подмигнул ему и нырнул вниз, унося с собой то, за что погибло все племя антархов. Почти все...

Волны сами несли его к берегам Аргоса. Бросив весла, Конан смотрел на удаляющийся Желтый остров, который уже озаряли светлые лучи ока благого Митры. Теперь ему предстоял еще более долгий путь — в покрытый льдом и мраком Ландхаагген... Кто знает, встретится ли ему когда-нибудь такой друг, как Иава? Насмешливый, сильный, умный и верный... Конан усмехнулся, припоминая... Потом повернулся к Желтому острову спиной, взял в руки весла и начал размеренно и быстро грести к Аргосу — надо торопиться, ведь ему предстоит еще такой долгий путь!

Отчего-то счастливо рассмеявшись, Конан, не переставая работать веслами, оглянулся назад — на небесно-синей глади колыхался легкий ровный след его лодки — и громко крикнул, с удовольствием слыша в утренней тишине свой сильный уверенный голос:

— Хей, разноглазый! Ты слышишь меня? Асвельн выбрал нас! Нас обоих!

Он снова рассмеялся, налег на весла и более уже не оглядывался.

